

ПОВЕСТЬ

**СОЗВЕЗДИЕ
ЛЮБВИ**

Андрей Киселев

Андрей Егорович Киселев

Созвездие любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69025771

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть, главными героями которой являются любовь, переплетения судеб и внутренних миров каждого участника жизненного процесса, где нет простых решений, но есть всепобеждающие честь и добро.

Андрей Киселев

Созвездие любви

*«Чарующим мерцаньем звёзд
Подарен людям яркий свет,
Как поздравленья в мире грёз
С любовью, что даёт ответ».*

Переговоры с финнами затянулись. Секретарь, в который раз подавая чай, с укоризной заглядывала мне в глаза, намекая на позднее время, что её ждут дома муж, дети, личные и семейные дела. Но обсуждение контракта не прекращалось. Возникали новые нескончаемые вопросы.

Поняв, что переговоры ещё долго не завершатся, я нажал на телефоне кнопку громкой связи с приёмной.

– Слушаю Вас, Леон Жильевич, – отозвалась секретарь напряжённым голосом.

– Света, скажите водителю, чтобы он отправил Вас домой и что он после этого может быть тоже свободен до завтра.

– Спасибо, Леон Жильевич. Вам точно ничего на сегодня от меня не нужно?

– Да, до свидания, спасибо за работу, извините, что задержал.

– До свидания, Леон Жильевич.

Так звучат мои имя и отчество. Отец француз. Его зовут Жилем Касс до Маршалем. Он учился в университете Дружбы народов. Слава Богу, что у меня его фамилия, а не мамы, которая познакомилась с ним в свои студенческие годы на совместной с различными вузами вечеринке. Получилось бы Леон Жильевич Лейкин, но меня записали Маршалом, чуть изменив отцовскую фамилию на русский манер.

Французский папа окончил университет, и был отправлен трудиться куда-то в Африку в бывшую колонию своей родины. На этом след его и протыл. Мама осталась со мной на руках, как говорится, у разбитого корыта. Её учёба была прервана академическим отпуском, и она осталась с неоконченным высшим образованием, так и не вернувшись в свой институт из-за необходимости зарабатывать на нашу с ней жизнь.

Где-то у лазурного берега живут мои заграничные бабушка и дедушка, но от них мы никогда не получали никаких вестей. Видимо, их не интересовало наше существование. Мама рассчитывала на помощь лишь своих родителей из Йошкар-Олы, которые старались порадовать нас различными посылками и денежными переводами.

Слава Богу, мы были обеспечены жильём. От дяди после его продолжительной болезни нам досталась двухкомнатная квартира на улице Ватутина рядом с Можайским шоссе.

Кстати, Йошкар-Олинские бабушка и дедушка живут в собственном доме на маленькой одноимённой улице, то есть,

тоже Ватутина, в Марийской столице. Я навсегда запомнил, как в детстве, приезжая к ним с мамой, бегал с соседскими ребятами на луга к реке Кокшаге. Там она неширокая, но чтобы понырять и поплавать вполне подходящая. На берегу мы устраивали костёр, поджаривали хлеб, а иногда сосиски, пекли картофелины и были абсолютно счастливы.

Дедушка и бабушка давали мне вволю собирать в их саду малину, клубнику, вишню и яблоки, крыжовник и смородину.

Почему-то моё московское детство мне не оставило стольких впечатлений, как в спокойной Йошкар-Оле. Иногда меня устраивали в детский лагерь, то «Кооператор» на озере Шап, то имени Гагарина на Устье-Кундыше или «Лесная сказка» в Куяре.

В Марий Эл, как теперь называется этот край, я узнал вкус черники, земляники, брусники, клюквы, голубики, облепихи, научился различать грибы. Меня очень удивляло, что вполне съедобные в Москве, например, свинухи, в марийской республике называют поганками. Видимо, изобилие элитных сортов, таких как белый гриб, дают местным жителям возможность не обращать внимания на то, что радуется москвичей. Скорее всего, что это Бог наградил марийцев за терпение, которое здесь необходимо при том невероятном количестве комаров, коими кишит этот лесной край.

С ребятами мы часто бегали в кинотеатр «Рекорд», где за десять копеек могли посмотреть мультфильмы, а в буфете

те продавались вкусные пирожки и лимонад, которыми мы с удовольствием лакомились. Нынешние напитки и выпечка никак не могут сравниться с прежними. Это не совсем потому, что в детстве всё кажется в розовом цвете. Спросите любого, кто застал советские времена, чтобы удостовериться в моём мнении. Все скучают по газировке с сиропом и без него, помнят сидро, считая, что именно то было настоящим самым вкусным и экологически чистым в их жизни. И не только вышеуказанное, а многое. Были и разочарования, но, что было хорошим, то бесспорно.

Таким образом, моя жизнь проходила в двух городах. Йошкар-Ола подарила мне воспоминания детства, а Москва образование, работу, которая превратила меня в предпринимателя в настоящее время. Но мой бизнес неотрывно связан с этими дорогими мне городами. Помимо московского центрального офиса у меня есть марийский филиал, выпускающий столярные изделия.

В Москве много зданий, в которых установлены двери, окна, паркетные полы и плинтусы моего Йошкар-Олинского производства. Налажен и экспорт в самые различные страны.

Теперь приехала очередная иностранная делегация для заключения контракта на производство европоддонов. Здесь главное не ошибиться в условиях сделки, чтобы не оказаться в глупом положении, когда поставленную продукцию забраковывают из-за какой-нибудь хитрой закорючки в договоре, дабы не расплачиваться. Так зачастую строят свой бизнес,

приезжая в Россию, многие иностранцы.

Для меня финны были не в новинку. Они предлагали различные варианты сотрудничества, но я не хотел расплываться на другие виды деятельности, твёрдо считая, что лучше заниматься чем-то одним, но по-настоящему.

Секретарь Света нервничала не даром. Она всегда чувствовала подвох. Если приезжали делегации с настоящим делом, то ей было приятно работать, не взирая на время. Чем ей не угодили эти гости из Финляндии?

Из них по-русски говорил только Юха Тойтованен. Его акцент напоминал эстонский, не даром эти народы относятся к финно-угорской группе. Марийцы тоже принадлежат к этому родству, но говор совсем иной, хотя есть похожие слова.

– Леон, поймите, пожалуйста, мы не хотим Вас обмануть. Нам нужен с Вами долгосрочный фьючерс, – доказывал мне Юха, подталкивая меня к немедленному подписанию контракта.

– Но здесь условия нереальные, – упирался я.

– Это европейский стандарт, иначе не примут.

– Юха, для поддонов другие стандарты, и я их знаю по поставкам в Австрию. Что Вы меня уговариваете делать одnorазовую тару с требованиями качества паркета?

– Но мы платим по цене паркета, – возмутился Юха.

– Если бы вы платили по предоплате, тогда было бы понятно.

Гости стали бурно обсуждать что-то на финском языке. Я

слушал их, думая о том, как скорее завершить это обсуждение и поехать домой. Утром, приехав на фирменном поезде «Марий Эл» в Москву, я заехал сразу в офис, собираясь побыть в нём всего час, чтобы подписать платёжные поручения. В результате уже ночь, а я всё сижу здесь с этими, неизвестно откуда нагрянувшими, неугомонными финнами.

– Мы готовы выставить аккредитив, – объявил Юха.

– Безотзывный?

Снова зазвучала финская речь.

Мне было скучно. Так наивно эти ребята пытались меня уговорить на свою авантюру, и я решил, что моё гостеприимство не безгранично и пора их вежливо выпроваживать.

Пока они втроём обсуждали между собой что-то, мне вспоминалась моя соседка по купе в СВ поезда. За всю совместную поездку я от неё услышал всего несколько фраз: здравствуйте, спокойной ночи, доброе утро, будьте осторожны, до свидания, берегите себя. Думаю, что осторожность никому не помешает. Беречь себя надо каждому. Но женщина говорила с какой-то особой напряжённостью в голосе, словно предупреждая об опасности. На провидицу она не похожа, хотя кто знает? В марийских селеньях всегда было и есть много ясновидящих, колдунов, просто знатоков всевозможных заговоров, порчи, исцеления.

Юха отвлёк меня от размышлений своим вопросом:

– Леон, мы согласны оплатить на фобе.

– Я предлагаю закончить обсуждение. Так сказать, утро

вечера мудренее.

– Но у нас сроки!

– Извините, я не в курсе ваших сроков, мне пора в душ и спать.

Снова финны принялись совещаться.

– Хорошо, Леон. В котором часу завтра встречаемся?

– Пока не знаю, позвоните в течение дня, чтобы я определился со свободным окном.

Наконец-то, гости засобирались. Я встал из-за стола, чтобы проводить их.

– Нэкэмин, Леон, нэкэмин, – прощались они.

– Накамин, накамин, – отвечал я, пожимая их руки.

Мне никак не удавалось правильно выговорить их «до свидания» по-фински.

Ушли, слава Богу! Пришлось долго вызывать такси. Почему-то никто не хотел ехать в наш район. Диспетчеры различных таксопарков просили извинения и клали трубку. Наконец, у меня приняли заказ, интересуясь, куда поеду.

– На улицу Ватутина по Можайке, – ответил я.

– Хорошо, в ту сторону открыли движение.

– А что случилось? Было закрыто разве?

– Террористы в Норд-Осте! Вы разве не знаете?

– О, Господи!

– Да, захватили ДК во время представления вместе с труппой и зрителями.

– Это же рядом со мной!

– Вот именно, всё движение перекрыто, но наш водитель знает, как к Вам подъехать, минут пятнадцать ждите.

– Спасибо!

– Пожалуйста, всего доброго!

Зазвучали короткие гудки.

Сегодня, проезжая от вокзала мимо Норд-Оста и видя рекламу, я подумал, что надо бы сходить на представление. Позвонил Свете и дал указание приобрести мне билет. Ей это всегда легко удавалось. Через час он уже лежал на столе моего кабинета.

Люблю бывать один на спектаклях, на концертах.

Мои планы поломали финны. Кажется, эти ребята меня спасли от участи заложника. Когда стало понятно, что мне билет уже не понадобится, я предложил секретарю подарить его кому-нибудь.

«Стоп! Кому она его подарила?» – подумал я, вздрогнув.

Набрав номер телефона Светы, услышал сразу же её голос:

– Слушаю Вас, Леон Жильевич.

– Света, ты кому билет отдала.

– Подруге. Она любит в одиночку посещать всякие там концерты, мюзиклы.

– А ты знаешь, что там происходит?

– Знаю, конечно, места себе не нахожу! – дрожащим голосом ответила Светлана.

– Ты точно знаешь, что она там?

– Связи с ней никакой нет, домой не возвращалась. Её ро-

дители уже где-то там, но никто ничего определённого не может сказать.

– Что-то надо делать!

– Я собираюсь туда ехать.

– Ко мне сейчас придёт такси, я заеду за тобой. Собирайся.

– Давно собрана.

– Скоро буду.

– Хорошо, жду возле подъезда, – грустно ответила Света.

Я включил телевизор, стоящий в кабинете. Показывали Норд-Ост. Мне было не по себе, ведь вместо меня там страдала ни в чём неповинная девушка. Я должен что-то сделать, как-то помочь ей.

В окно заглянул свет фар – это подъехало такси.

Заехав за Светланой, мы направились в сторону ДК.

– Зря едем, туда не пускают никого, – сказал водитель.

– Может, узнаем хоть что-то, – возразил я.

– Вы родственники? Там штаб развернули, списки составляют, но разговаривают только с родственниками, – пояснил он.

– Приедем, там видно будет.

– Как хотите. Вот уже и оцепление.

Нас остановили спецназовцы.

– Туда нельзя! – строго сказал один из них.

– Там у нас человек, – обратился к нему я.

– Звоните в штаб.

– Как туда позвонить?

Спецназовец молча протянул карточку, нервно махнул водителю, чтобы отъезжал.

Мы ехали в обратном направлении. Света постоянно набирала номер телефона, указанный в карточке, но линия была постоянно занята. Видимо, туда звонила половина Москвы.

Я приехал домой. Мама обрадовалась моему приезду, но, едва успел помыть руки, спросила с укоризной:

– Ты же обещал, что на часок заедешь в офис и приедешь, а сам? Я тут всего наготовила, стол накрыла, а ты только сейчас объявился!

– Извини, родная, финны нагрянули неожиданно, а тут ещё Норд-Ост.

– Что делают бандиты! Совсем страх потеряли!

– Хотят Аллаха удивить, видимо. Мало им крови солдат, надо мирных жителей покрошить.

– Чего добиваются?

– Им виднее.

– А мне, Леон, непонятно.

– Знаешь, мама, я ведь сегодня сам туда собирался, билет мне привезли, но из-за финнов отменилось. Вместо меня подруга Светы пошла.

– Какой ужас! Слава Богу, что ты не попал! Я бы уже умерла от страха за тебя.

– У меня душа болит за девушку.

– Понимаю, у меня за всех болит, но у тебя особый случай.

– Мы туда ездили, однако не пустили.

– Конечно, ты ей никто. Родственников, небось, даже не пускают.

– Не по себе ото всего этого.

– Терпи, Леон, может, обойдётся всё. Душа на то и дана, чтобы переживать.

– Спасибо, успокоила, – слегка съязвил я.

– Ты с ней знаком что ли?

– Нет, всё равно не по себе.

– Кушать будешь?

– Если можно, чаю с бутербродом. Аппетита нет совсем.

– Ну вот, салат испортится.

– А у нас водка есть?

– Куда же она денется? Я ведь не пью.

– Тогда давай водочки и салатику.

– Душу водкой не зальёшь, только отравишь.

– Мама, ты ведь знаешь, что много не буду, а чуть-чуть даже надо.

– Смотри у меня, – пожурела мама, отправляясь в кухню.

Я включил телевизор. Шёл спецвыпуск. Пока ничего не происходило. Возмущённые интервью, вой сигнализации, неопределённость... Позвонил Свете на номер сотового телефона.

– Слушаю, Леон Жильевич!

– Дозвонилась в штаб?

– Нет, я поставила домашний аппарат на автодозвон, но пока бесполезно.

– Если что-то выяснится, сразу сообщи. Завтра можешь не выходить на работу, занимайся только этим вопросом.

– Хорошо. Её родители там. Не уходят. Но им тоже ничего толком не объяснили.

– Позвони нашему водителю, пусть организует обед им и всё что надо. Может, одежда тёплая нужна и прочее. Деньги есть?

– Они говорят, что ничего не надо, но я всё равно уже готовлю. Деньги есть, конечно.

– Молодец! Действуй! До связи.

– Да, конечно.

Мама принесла на подносе салат в пиалке, графинчик водочки, бутерброды, заварочный чайник. Мне ничего не хотелось.

– Спасибо, мама. Ты со мной чайку не попьёшь?

– Нет, сынок, не хочу распухнуть к утру. Не те годы. Что там в телевизоре-то?

– Пока ничего ясного.

– Когда хоть жизнь нормализуется? Сколько живу, никогда не было нетрудных времён.

– А время застоя?

– Замалчивали тогда, а всё происходило. Я даже была свидетелем самосожжения на Красной площади. Бывали и взрывы, возле ГУМа приковывались, всяко бывало.

– А, казалось, что всё спокойно.

– Может, лучше не знать. Сейчас страшно телевизор включать. Только и слышно о терроризме, преступлениях, да сплошные детективы и кровавые разборки.

– Свобода слова.

– Свобода – это когда можешь свободно гулять по улице, ходить в театр, ехать в метро, не боясь за свою жизнь.

– Тебе бы сказки писать.

– Эх, Леончик, без меня кругом сплошные сказочники.

Салат был вкусным. Рюмочка водки приподняла аппетит, поэтому на радость мамы я опустошил пиалку и переключился на чай.

– В тебе, мама, живёт отличный кулинар, – сказал я, нажимая на чай с бутербродами.

– Кушай на здоровье. Но я уже не могу сидеть с тобой, извини, хочу спать.

– Хорошо, спокойной ночи, спасибо за ужин.

– Уберёшь со стола?

– Конечно!

– Спокойной ночи, Леончик.

После моего поцелуя в щёчку, мама удовлетворённо ушла в спальную комнату.

Пересев в кресло, я ещё долго смотрел спецвыпуски, ожидая развязки трагедии в Норд-Осте с освобождением заложников. Очень хотелось счастливого конца. Видимо, под утро я заснул незаметно для себя. Проснулся лишь к одиннадца-

ти часам, вздрогнув отчего-то. Шея затекла. Начал звонить Светлане.

– Слушаю, Леон Жильевич, доброе утро!

– Привет! Ты почему не звонишь мне?

– Ночь не спала, недавно приехала и сразу заснула, побоявшись Вас беспокоить с утра.

– Надо было позвонить! Я же просил.

– Там ничего нового, имею в виду хорошего. Родителей накормили и оставили им продуктов, термосы с чаем и кофе. В штабе ничего не сообщают, ясно одно, что готовятся к спецоперации по освобождению заложников. Там кошмар.

– Представляю себе! Что можно ждать хорошего?

– Их даже в туалет не пускают, вместо него оркестровая яма.

– Слов нет! Ладно, отоспись, надо будет ещё организовать обед.

– Пока всё есть, а вот ужин понадобится.

– Хорошо, действуй по обстановке.

– А как же финны?

– Света, не до них!

– Не нужны они Вам. Я немного финский язык знаю, и слышала их обсуждение в приёмной.

– Можешь не рассказывать, просто не хотелось их выгонять сразу, как-то невежливо получилось бы.

– Ну, что? Я сплю дальше?

– Да, и спасибо тебе, пока!

– До свидания!

Света работает у меня давно, почти с самого открытия моего предприятия. Переживала со мной вместе взлёты и падения, чёрные вторники и пятницы, дефолты, кризисы, бандитские и правоохранительные налёты, другие всевозможные проблемы. Наши отношения иногда заходили в тупик из-за непонимания друг друга, но со временем всё вошло в правильное русло, мы стали общаться, как партнёры, ратуя за общее дело.

– Ты проснулся? – войдя, спросила мама.

– Привет! Как видишь.

– Добрый день! Со стола так и не убрал, негодник! Я не хотела сюда заходить, чтобы не будить тебя, а ты, оказывается, уже не спишь. Ладно, сама уберу.

– Спасибо, мама.

Я отправился в ванную комнату. Мысли терзали душу. Казалось несправедливым, что у меня есть возможность находиться в домашнем уюте, пользоваться всеми благами гигиены, переодеваться, завтракать, не находясь под дулами автоматов. Тем, кто сейчас в этом злополучном Норд-Осте вряд ли что-то предоставили, кроме оркестровой ямы и скотского отношения. Господи, помоги им!

Мне всегда были непонятными действия террористов, уничтожающих мирное безоружное население. Если они не согласны с политикой государства, причём здесь невинные дети, матери и отцы. Запугивание людей? И что могут изме-

нить испуганные жители, кроме как возненавидеть террористов? На что надеются заказчики кровавых актов, что их станут уважать? Как можно надеяться попасть в рай, убивая людей под именем хоть Бога, хоть Аллаха, которые не раздавали никаких знамён? Кто-то одурманен мстью, понятно. Но неясно тогда её направление, если гибнут невинные люди. Народ не может быть виноват. Возможно, я наивен в своих размышлениях. Знаю одно, что если ради чьей-то революции или другой, даже кажущейся благой, цели, погиб хотя бы один хороший человек, не дай Бог, ребёнок, то это не стоит и ломаного гроша. На кровожадности мир нельзя построить.

Вывод прост – деньги. Из-за них все беды. Это механизм для получения следующих вливаний. Для кого-то беда, для других бизнес. Нет террора – нет антитеррора, на который тоже требуются средства бюджета. Если нет войны, то не будет денег на вооружение, на одурманивание войск идеологией и ложными обещаниями. Испортили обстановку в стране, значит инвестиции в неё не пойдут, а направятся в нужном заказчикам направлении. И так далее... То есть, бизнес на крови. На этом строится захватническая политика всем известных некоторых государств, точнее, их главных деятелей и закулисных стратегов. Исполнители и жертвы – пушечное мясо.

Меня Бог отвёл от участи заложника, но на душе больно за девушку, воспользовавшуюся моим билетом в Норд-Остовский ад.

***

Спецоперация прошла. Много людей погибло.

Всё это время я не находил себе места. Мне хотелось скорее узнать, жива ли подруга Светы, помочь чем-то. Сведения поступали, казалось, слишком медленно. Наконец, пришла весточка от родителей, что их дочь в больнице. Ужас заточения и газ, пущенный в зал Норд-Оста, не пошли ей на пользу. Слава Богу, что выжила в этом кошмаре.

– Света, окажи ей и родителям всю необходимую помощь! – сказал я в трубку телефона.

– Обязательно, я только этим и занимаюсь, Леон Жильевич.

– Хорошо! Денег не жалея, возьми сколько надо!

– Всё в порядке, не волнуйтесь! Её родители Вас очень благодарят.

– Не за что. Продолжай в том же духе.

– Хорошо.

– Пока. Звони, если что-то понадобится.

– Всё поняла. До свидания.

Я звонил из дома. Все эти дни я не ездил на работу, почти не отходя от телевизора. Душевный груз не давал мне заниматься бизнесом. Казалось бессмысленным сидеть в офисе. Для меня было главным здоровье этой девушки, которую я никогда в глаза-то не видел, чувствуя себя виноватым перед

ней за подарочный билет на встречу со смертью.

Видимо, так устроен внутренний мир человека, жаль, что не каждого, когда совесть начинает диктовать свои условия, заставляет жить по её законам. Она сделала меня должником девушки, перед которой, по сути, я не виновен.

Так распорядилась судьба, но душа говорила о моей причастности к этому случаю. Точно так же, как однажды я почувствовал свою вину за то, что, глядя проездом на Останкинскую башню, подумал, как давно я не был на «Седьмом Небе», удивляясь её стойкости, несмотря на время эксплуатации, кризисы, ураганы. На следующий день она горела. Мне казалось, что сглазил её именно я, и существует моя вина в случившемся пожаре, приведшем к жертвам.

В одном из офисов на стене размещалась панорама с видом небоскрёбов-близнецов Нью-Йорка. Они поражали меня размахом, величием. Вскоре их не стало вовсе. Мой приятель вышел из одного из них за десять минут до самолётной атаки террористами на эти символы американского благополучия.

Понятно, конечно, что во мне работало некое предчувствие беды, но душа болела от этого не меньше.

В данном случае был задействован мой собственный билет, доставшийся другому человеку волей какого-то рока. Это меня тревожило по-особенному, как личное.

Иногда бывало в бизнесе, что после начала дел с кем-то новым, всё начинало рушиться, шли убытки, которые пре-

кращались лишь после расторжения совместной работы с этим человеком. Словно присутствовал рок, несущий негатив в позитивное мероприятие. Таких людей, надо сказать, немало. Но когда возникла угроза жизни девушки, попавшей вместо меня в беду, я впервые ощутил себя по-настоящему виновным в данной ситуации.

Мне хотелось увидеть бедолагу, узнать о её жизни до случившегося. Я попросил Светлану организовать встречу.

– Леон Жильевич, пока не стоит её беспокоить. Она не в том состоянии.

– Так серьёзно?

– Просто не хочет пока никого из посторонних видеть, да и нервы приводит в порядок.

– Хорошо. Сообщи, когда будет возможно встретиться.

– А Вам это надо?

– Светлана, а ты как думаешь?

– Моё мнение, что это лишнее. Вы помогли ей – уже достаточно.

– А ты себя представь на моём месте.

– Одна уже побывала на Вашем месте. Спасибо.

– Ну вот, ведь понимаешь.

– Вы же не виноваты, тем более делали благое дело, а если какие-то нелюди всё испортили, то это уже к Вам никакого отношения иметь не должно.

– Действительно. Однако, на сердце что-то беспокойно.

– Вы щедро и сердечно заплатили, хотя никто не просил

об этом, и пора успокоиться.

– Возможно, но душе не прикажешь. Я надеюсь, что встреча с ней даст успокоение.

– Хорошо, как скажете.

– Вот это другое дело.

– Всё?

– Да.

Светлана говорила намекающим тоном, что её мнение намного умнее моего.

– И перестань хорохориться, – сказал я ей.

– Неужели, – иронично ответила она.

– Иначе будешь иметь бледный вид и макаронную походку!

– Спасибо за комплимент, я думала, что это уже приобретено на Вашей работе, – с иронией ответила она.

– Ты хочешь подкинуть дров в огонь? – беззлобно спросил я.

– Хорошо, я вызову пожарную службу, – ехидно продолжала она.

– Лучше позови для себя хирурга по укорачиванию языка и батюшку, который объяснит тебе, что нескромность – грех, – ответил я нравоучением.

Мы иногда так шалили друг с другом. Это вносило некую разрядку в рабочие отношения.

***

Вечером я прогуливался по дождливой Москве, что всегда являлось моим любимым занятием, если было не очень поздно.

Не смотря на сырую погоду, город выглядел ярким от света реклам, разноцветной иллюминации, украшающей столицу.

Вспоминая прежние времена, когда Москва утопала в темноте и грязи, я гордился тем, что застал новое время, с размахом вносящее вместе с бурной жизнью грандиозные изменения в облике города. С каждым днём менялось его лицо. Я прогуливался по современному столичному мегаполису, не боясь оказаться испачканным грязью улицы. Даже лужи, если возникали, были чистыми.

Подумал о Йошкар-Оле. Она ещё не могла сравниться с Москвой, но и в ней заметны улучшения, жаль, что только в центре. Видимо, не дошло время до окраин. Конечно, всё зависит от денег, точнее, от их количества. Российская провинция всегда была обделена в средствах. Такая уж неискоренимая экономическая политика в стране, когда цивилизация там, куда поступают финансовые потоки, а не откуда они тянутся.

Неоновый свет, обрамлённый бегущим огнём дюралайта, манил обратить внимание на вывеску очередного заведения, мимо которого я проходил, ощущая кофейный аромат, специально посылаемый прохожим из его вентиляционной си-

стемы. Это был кофейно-чайный клуб «Лагуна».

Мне давно хотелось зайти куда-нибудь согреться. Запах кофе меня ничуть не манил, так как этот напиток, на ночь глядя, мог лишить сна, а то, что в «Лагуне» было немногочисленно, утраивало.

Присев в просторное кресло за стеклянный столик, я заказал у вскоре подошедшей официантки немного виски, чая «Белая луна» и сигару.

Обстановка была вполне расслабляющая. На стенах клуба были изображены красочные варианты лазурных лагун с забредшими в них лодками и парусниками. Иногда встречались картины с горными водопадами и чайными или кофейными плантациями на фоне голубого неба.

После глотка виски, мне стало теплее. Свеча подогревала воду в стеклянном чайничке на специальной подставке, вкус сигары навевал добрые мысли.

Посетителей было совсем мало. Некоторые о чём-то тихо беседовали друг с другом, попивая кофе, одна парочка покурировала кальян, две девушки поблизости пили чай, скромно кладя себе в рот кусочки пирожного. В одиночестве отдыхали лишь несколько человек, каждый за отдельным столиком, поглядывая то на прохожих сквозь окна, то на стены, задумавшись о чём-то сугубо личном.

Мне было уютно в этом спокойном обществе под едва слышную умиротворяющую музыку.

Вкус чая напоминал неповторимое восприятие утреннего

лугового тумана, словно приближая к природе. Я представлял себе много раз виденную наяву красоту предрассветных лугов, озёр и рек, полей со стогами и перелесками, когда летом бывал в марийском краю. Мне доводилось с друзьями водить лошадей в ночное. Это незабываемо!

Конечно, такая красота есть и в Подмосковье, и в любом уголке России. Я могу сказать, что ещё много чудесных мест в мире, но так получилось, что детские воспоминания сильнее байкальской глади, кавказских гор, северных широт, таёжных кедровников, степного раздолья, черноморских пляжей и любых заграничных красот.

Словно погрузившись в райский сон, я мечтал очутиться на берегу Волги ранним утром, взять лодку и поплыть в туманную речную даль вдоль крутых лесных берегов, грести, находясь наедине с огромной природой.

– Леон Жильевич, – послышался голос Светланы.

– О, Господи! Ты меня напугала, – возмутился я, выходя из nirваны.

– Мы Вам не помешали?

– Света, я тебе на работе что ли не надоел?

– А мы с подружкой зашли пообщаться. Смотрю – Вы.

– Присаживайтесь, коли так, и познакомь, пожалуйста, с подружкой.

– Её зовут Татьяной. А перед тобой, – уже обращаясь к подружке, сказала: – Леон Жильевич.

Я встал.

– Здравствуйте, Леон Жильевич, очень приятно, – произнесла Татьяна.

– Добрый вечер, мне тоже приятно, присаживайтесь, пожалуйста, – немного удивлённый скромностью в её голосе, ответил я.

– Спасибо, – сказала она и села напротив меня.

– Света, – начал я свой вопрос к присевшей по левую руку от меня секретарши, – а это не та ли подруга?

– Та-а, – протяжно ответила она.

– Из Норд-Оста? – попросил уточнить я.

– Да-а.

– Здорово! – воскликнул я.

– Леон Жильевич, – обратилась ко мне Татьяна, – мы Вам так благодарны с родителями за Вашу помощь...

– Да, бросьте, – перебил я, – не люблю слышать слов благодарности в свой адрес.

– Но как же? – обескуражено взмолилась она.

– Вот так! Что – правда, то – правда. Поэтому давайте обойдёмся без дифирамбов. Я рад, что Вы живы, Татьяна. Как здоровье?

– Слава Богу, всё обошлось, – ответила она.

Подошла официантка и спросила, указывая на каталог меню:

– Что-нибудь будете заказывать?

– Конечно! Вы подойдите через парочку минут, а девушки пока выберут, – ответил я.

– Хорошо, – сказала та и отошла к стойке бара.

– Девушки, надо отметить встречу, – предложил я подружкам.

– Мы не против, – весело сказала Светлана, переворачивая страницы предложенного меню.

– Тогда чем отметим? Шампанским или вином?

– А можно виски заказать? Что-то мы подмёрзли на улице, – как бы прося извинения, обратилась ко мне Света.

– Пожалуйста, конечно, с удовольствием, – согласился я. Всё было заказано.

– С Вас тост, Леон Жильевич, – сказала Светлана, когда на столе было всего в достатке.

– Обязательно! За Вас, Татьяна, за то, что выжили, выстояли, за то, что Вам помог Бог в трудный момент!

– Спасибо Вам большое, – ответила она, а в её глазах стояли слёзы.

Вскоре нам стало веселее. Некоторая скованность, существовавшая сначала, исчезла. Мы говорили на самые различные темы, но никто больше не обмолвился о Норд-Осте. И правильно! Татьяне необходимо было о нём забыть, как о жутком сне. Незачем напоминать ей о том вообще, чтобы не мешало жить дальше по-человечески. Конечно, груз из души никуда не денется, но нельзя ворошить плохое, дабы не испортить хорошее, которое обязательно к ней придёт в будущем.

– А Вы, Татьяна, чем занимаетесь по жизни? – спросил я.

– Компьютерной графикой, то есть искусство с помощью «мышки».

– Интересно. А это приносит хорошие деньги?

– На жизнь хватает. Постепенно спрос возрастает, но в это дело вливается всё больше художников, что вносит конкуренцию.

– Вы этому где-то учились?

– Я окончила Богородское художественное училище резьбы по дереву, но недавно пришлось переключиться на графику.

– Теперь вообще не режете?

– Мало, разве что для подарков друзьям. Понимаете, для резьбы по дереву нужна мастерская, а у меня нет такого помещения.

– У меня часто иностранцы бывают в гостях, так что если будут интересные поделки, я готов их закупить для презентов.

– Хорошо, я ведь скучаю без резьбы. Её забрасывать нельзя, чтобы чувство дерева и навыки не исчезали.

– Татьяна, у меня есть небольшая столярная мастерская при офисе, я бы мог Вам её предоставлять при необходимости.

– Спасибо, Леон Жильевич, Вы бы меня очень выручили этим.

Зазвонил телефон Светы.

– Да, дорогой, – сказала она, включив трубку.

Явно звонил муж. Видимо, волновался.

Светлана, немного смутившись, отвечала короткими фразами: «Нет...Хорошо... С подругой... Почему?.. Ладно...Кафе «Лагуна»... Перестань...Скоро буду... Всё!».

Она отключила телефон.

– Мне надо ехать домой. У ребёнка температура, поэтому муж вне себя, – объявила нам Света.

– Ты поезжай, конечно, – предложил я и обратился к Татьяне: – А мы ещё немного посидим, да?

– Если немного...

– Тогда я помчалась, – встала из кресла Светлана.

– До завтра, – ответил я.

– Тогда всем пока, – помахала рукой, уходя, Светлана.

Мы сидели вдвоём, испытывая паузу.

– На чём мы остановились? Ах, да, на мастерской, – наконец встрепенулся я.

– Про неё вроде бы договорились.

– Я хотел спросить Вас, Татьяна.

– О чём?

– Вы обижаетесь на меня?

– За что?

– Что оказались вместо меня в Норд-осте.

– Нет, конечно. Вы же хотели как лучше, не желая мне зла.

– Да, но мне как-то не по себе от этого.

– Успокойтесь, я же по собственной воле туда пошла.

– Понимаю, но мне хочется просить Вашего прощения за

случившееся недоразумение.

– Считайте, что я Вас уже простила. Мне очень приятно от Вашей заботы и участия.

– Татьяна, у меня к Вам нескромное предложение заглянуть ко мне домой, чтобы мама увидела Вас. Она тоже очень беспокоилась и будет рада.

– Неудобно как-то...

– Что Вы, наоборот, и ей легче на душе станет.

– Если ненадолго, ради мамы.

– Отлично, тогда поедем?

– Хорошо.

Расплатился по счёту, и, вставая, протянул руку Татьяне, помогая подняться. Её нежная ладонь коснулась моей, и я удивился тому, что она принадлежит человеку, способному резать по дереву.

– Может, прогуляемся пешком? Здесь недалеко, – предложил я, выходя из клуба.

– С удовольствием.

– Разрешите взять Вас под руку?

– Лучше я, будет удобнее.

Присутствие официоза исчезло. Мы шли по городу, непринуждённо болтая о всякой всячине.

– Перейдём на ты? – предложил я.

– Уже непривычно как-то, Вы начальство.

– Бросьте! Какое начальство! Вы же не моя подчинённая.

– А Света? Представьте себе нашу встречу втроем. Она

будет с Вами на Вы, а я на ты.

– И что? У меня полно таких ситуаций.

– Впрочем, как хотите.

– Значит – ты?

– Давай, – обречённо согласилась она.

В течение прогулки я всё больше обращал внимание на её черты лица. Они начинали мне нравиться. Мне хотелось лучше разглядеть, но было неудобно откровенно рассматривать Татьяну, хотя что-то необыкновенно притягательное в них заставляло меня забыть о собственной скромности. Я старался больше говорить ей о чём-то, не помню, лишь бы на правах рассказчика смотреть на её лицо. Моей собеседнице приходилось в основном молчать, изредка кивая мне головой в знак одобрения. Иногда она улыбалась, взглянув на меня, даже откровенно смеялась над моими юмористическими историями, становясь при этом ещё привлекательней. В моменты серьёзности выражение её лица становилось задумчивым, но не менее притягательным.

***

Мама нас встретила с нескрываемым удивлением. Представьте себе, я никогда не приводил девушек в свой дом. Бывали, конечно, среди гостей и дамы, но чтобы я сам привёл под ручку к нам свою знакомую – это впервые.

– Здравствуйте, – как-то тихо произнесла Татьяна.

– Вечер добрый! – счастливым голосом приветствовала мама.

– Знакомься, мам, Татьяна.

– Елена Витальевна, – сама представилась мама.

– Очень приятно, – вновь тихо сказала Таня.

– Взаимно, а что так скромно? Я ведь не страшная совсем.

Или Леончик Вам про меня что-то наговорил? Проходите и не стесняйтесь.

Сняв верхнюю одежду, мы прошли в зал.

– А руки мыть? Сейчас будем ужинать, – безапелляционно предложила мама.

– Родная, мы только что из кофейни вышли, – просящим милосердия голосом, обратился я к ней.

– Ничего не знаю, ничего не вижу, ничего никому не скажу, а ужинать придётся!

Мама принадлежала к тому поколению, которое пережило голод и дефицит, но любило хорошо покушать. Она не понимала, как можно перекусить в кофейне и насытиться этим. Её удивляло, что мне на завтрак хватало глазуньи с чаем, на обед полтарелки супа и стакана компота, а на ужин или ничего, или то, на что меня с трудом могла уговорить. А я всегда удивлялся, как люди старшего поколения могут съесть первое после салата со стаканом сметаны, второе с пирожками и третье с десертом, и три-четыре куса хлеба при этом. Мне всегда бывает жалко детей, которых кормят бабушки, как говорится, от пуза. Получается, что в детстве заставля-

ют кушать, чтобы потом выросшие дети заставляли себя не есть, дабы не растолстеть.

Мама уже расставляла тарелки и приборы.

– Елена Витальевна, чем Вам помочь? – спросила Татьяна.

– Танюша, отдыхайте ради Бога, мне приятно самой поухаживать, а то я засиделась совсем за полгода на пенсии.

Было видно, что мама была очень рада нашему приходу и возможностью пообщаться, проявить свои хозяйские и кулинарные способности. Вскоре на столе появились в лучших традициях русского гостеприимства самые различные блюда: солёные грибочки, маринованные помидоры и огурцы, квашеная капуста, селёdochка, колбаса с сыром, жареная курочка, парящий варёный целиковый картофель, посыпанный зеленью и чёрной солью, политый льняным маслом, яблочная «Шарлотка» под клюквой и конфеты.

Мы только успевали встречать и провожать маму взглядом из кухни в зал и обратно, пока она накрывала всё это богатство. Её скорости мог бы позавидовать любой ресторатор.

– Елена Витальевна, мне неудобно сидеть, когда Вы бегаєте с блюдами. Давайте помогу.

– Сиди, моя хорошая, сиди девочка.

Последним приношением были бутылка красного вина и графинчик водочки.

– Мам, ты целый пир решила закатить?

– Нет, уже всё принесла. Наливай!

Счастливая, она села за стол. Мне не составило труда на-

полнить дамам фужеры вином, а себе рюмку водочкой.

– Кто скажет тост? – спросил я.

– Ты, Леончик. Кто же ещё должен первый тост произносить? – удивилась мама.

– Тогда за тебя, родная моя, за твоё здоровье, неутомимость, и за Татьяну, которая осталась жива, несмотря ни на что.

– Вот и хорошо! – счастливым голосом поддержала тост мама.

В её глазах стояли слёзы, то ли счастья, то ли от накативших воспоминаний, но она быстро взяла себя в руки.

– Елена Витальевна, Вас что-то расстроило? – заволновалась Татьяна.

– Нет – нет. Правда, всё хорошо.

– Слава Богу. А это что за грибы?

– Это нам прислали мои родители из Йошкар-Олы белых грибочков. Они сами их собирали.

– Никогда не пробовала! Очень вкусно! – восхитилась Татьяна.

– Да, я тоже люблю под картошечку. Тут я всё по-деревенски накрыла.

– А Йошкар-Ола – деревня такая?

– Что ты. Это город на моей родине. Столица марийской республики. Родителей эвакуировали туда во время войны. Так они там и остались. Там я и родилась.

– Я что-то слышала, кажется, про единственный в России

город на «Й». Надо же! Вы уж извините. Просто как-то по-деревенски всё на столе.

– Не стоит извиняться, Танюша, кушай, пожалуйста. Вокруг Йошкар-Олы полно лесов и полей, поэтому и грибочков, и ягод, и всего остального для стола завсегда найти можно.

– Но, Елена Витальевна, столько ведь не скушать и за неделю.

– Ничего, ничего. Кушайте сколько хотите.

– Спасибо, очень вкусно.

– Мама, а ты когда успела столько наготовить? Такое чувство, что ждала огромную делегацию!

– Что ты, Леон. Я каждый день жду, что ты к нам гостей приведёшь, а ты всё один и один. Слава Богу, хоть сегодня порадовал, Танюшу привёл.

Мне понравилось гостеприимство мамы. Впрочем, она всегда была такой, но сегодня это было более чем кстати. Благодаря ей, обстановка за столом складывалась тёплой, с каким-то обволакивающим пространство добром. Я переживал лишь за то, что Татьяна, боясь обидеть маму скромным аппетитом, ела через силу, скрывая возможное негодование от переедания.

У меня заурчал и запел сотовый телефон. С одной стороны, я обрадовался возможности оторваться от пищи, с другой, не хотелось нарушать идиллию домашней обстановки. На дисплее высветилось имя моего немецкого партнёра, и я

нажал на зелёную клавишу:

– Привет, Генрих!

– Здравствуй, Леон! Ты смотрел электронную почту?

– Пока нет. Ты что-то мне отправил?

– Да. Айсипио на пятьсот тысяч на твою фирму. Жду ФСО.

– Завтра пришло.

– Хорошо было бы, если ты приложишь ресурсную справку, а то мой покупатель боится, что это обыкновенная биржевая игра.

– Ты же знаешь процедуру.

– Леон, покупатель столько раз обжигался на российском рынке, что сомневается в наличии ресурса.

– Тогда пусть сам едет в ГАЗПРОМ и заключает контракт напрямую. Процедура не мной придумана, и я не могу её изменить, являясь всего лишь посредником.

– Может, тот, от кого исходит предложение, занимается маркетинговым исследованием конъюнктуры рынка?

– Генрих, если б это было так, то я с ним бы не работал и тебе дизтопливо не предлагал.

– Хорошо, будем пробовать.

– Да, под лежачий камень вода не течёт.

– Тогда пока!

– Ага, пока, Генрих.

Я выключил и отложил в сторону трубку.

– Вот так, Танюша, – сказала мама, – это хорошо, что из

Германии его друг звонил, а не из Америки.

– Почему? – удивилась та.

– Немцы в Европе живут, спать чуть позже нас ложатся, а вот американцы звонят, когда мы спим. В результате Леон вообще не высыпается, если работает с Америкой.

– А я живу, как серая мышь, вырезаю себе по дереву всяких зверюшек, да графика в компьютере, – огорчённо промолвила Татьяна.

– Да что ты! Это так здорово! – восхитилась мама.

– Не знаю. Когда работа сложная, то очень интересно, но ведь умственной нагрузки почти никакой, – опротестовала Таня.

– Зато никаких нервов, а настоящее творчество, – настаивала мама.

– Я что-то не заметила, чтобы Леон был нервным.

– Ой, дорогая, бизнес – сплошные проблемы и нервогрёпка.

Мне было интересно послушать женщин, не вмешиваясь в их разговор.

– Зато, Елена Витальевна, бизнесмены деньги зарабатывают немереное количество, ни в чём себе не отказывают.

– Возможно, но зачем много денег-то?

– Ну, как же. Например, если бы у меня была необходимая сумма, то я купила бы себе мастерскую и творила б на своё усмотрение.

– Эх, Татьяна! Собственная мастерская – это коммуналь-

ные платежи, налоги, пожарная безопасность, охрана, текущий и капитальный ремонт, оснащение, оборудование, обслуживание и множество прочих неожиданных проблем.

– Да, конечно, но при наличии денег, это всё решаемо.

– Решаемо, пока они, как вода, не утекли.

– Елена Витальевна, но речь о том, чтобы мастерская приносила прибыль.

– Дай-то, Бог, а вдруг никто не купит поделки, ведь у людей не всегда на еду хватает?

– Есть же обеспеченные люди.

– А им нужны эти поделки?

– Например, иностранцы очень даже покупают.

– Танюш, они уже объелись нашими матрёшками и всякой всячиной.

– Спрос, конечно, падает, но, возможно, в перспективе что-то изменится.

– Милая девушка, за границей уже лет двадцать с помощью компьютера вырезают всё что угодно.

– Кроме богородской игрушки.

– Возможно, но речь даже не об этом. Намного лучше было бы работать на госпредприятии, когда отработал восемь часов спокойно и пошёл беззаботно домой.

– А творчество?

– Ты думаешь, что раньше не было творчества?

– Было, конечно, но посмотрите, сколько безликих однотипных зданий по всей стране.

– Не на что было красоту возводить после войны, хотя и во время её строили, но и дорогое строили, взять метро, к примеру, да ещё много шикарных зданий – красота!

– Слава богу, что не всё так плохо, но ведь стали лучше строить.

– Евроремонт что ли? Сомневаюсь. Я такого ненадёжного ремонта в жизни не видела. Раньше на века строили.

– Интересная у Вас, Елена Витальевна, логика.

– Да, Танюша. Сравнивая прошлое с сегодняшним, грустно наблюдать за моральным обликом людей. Грызутся из-за денег.

– Капитализм, ничего не поделаешь.

– Вот именно. А почему бы не взять всё хорошее из социализма и капитализма, а плохое отсеять?

– Это, Елена Витальевна, не ко мне. Президент пусть думает.

– Он придумает, ага. Как ободрать.

– Наверное, надо надеяться на лучшее.

– Я всю жизнь надеялась, трудилась, а как гляну на свою пенсию, такой пессимизм в душе и в кармане.

– У меня бизнес-леди по-соседству живёт, иногда немного общаемся с балкона на балкон, так всё критикует президента за маленькие пенсии, а когда я её попросила назвать среднюю зарплату на её предприятии, то мне недолго потребовалось времени, чтобы высчитать их будущую пенсию – копейки!

– Вот так! Языком болтать все могут. Сами нормальной зарплаты не дают, а пенсия хорошая откуда тогда возьмётся?

– Вот и пришли к тому, что денежки-то нужными бывают.

– Конечно, когда их хватает для нормальной человеческой жизни, а остальное – всё излишество.

– Иногда так хочется немножко излишества! – засмеялась Татьяна.

– И что с ним делать? – не унималась мама.

– Я, например, никогда на море не была.

– Это не излишество, я бы сказала – необходимость.

– А у меня две мечты – малюсенькая мастерская и море.

– И всё? – удивилась мама.

– Да. Ещё, конечно, детей родить, чтобы их учить резьбе и с ними поехать на море.

– А муж?

– Наверное, дети без мужа – не очень интересно.

– По себе знаю, – огорчённо призналась мама.

– Извините, я ведь ничего о Вас не знаю.

– Ничего страшного. Был муж из Франции, да сплыл куда-то.

Закурлыкал дверной звонок, прервав женскую беседу.

– Открою, – сказал я, поднявшись со стула, направляясь к входу.

– Странно. Кто бы это мог быть? – удивилась мама.

Подойдя к двери, я спросил, не глядя в глазок:

– Кто там?

– Сэ месье Маршаль? – послышалось оттуда.

– Уи, – ответил я, открывая.

Передо мной стоял седой смуглый мужчина в элегантном пальто с полосатым шарфом огромной длины вокруг шеи.

– Же... Ма пель Жиль Маршаль! – торжественно произнёс он.

Я подумал: «Лёгко на помине!»

– Сильвупле! – оставалось ответить мне вслух, показывая ему дорогу в квартиру.

– Кто там, сынок? – послышалось из зала.

– Ещё гости, мама.

Она вошла в прихожую и, это ужас, увидев перед собой вошедшего человека, сначала затряслась со слезами на глазах, затем начала падать в обмороке. Мон пэр мгновенно подхватил её, командуя мне:

– Вит, вит, сильтупле, – жестом у своего носа указывая на необходимость нашатырки.

Никогда не мог себе представить, что с мамой мог случиться обморок. Нашатырный спирт был найден, который сразу же помог ей очнуться, уложенной Жилем Маршалем в зале на диван.

– Тридцать три года! – были первые её слова.

– Мон анже! Мон ами! Жем тю! – тараторил он, целуя ей руки и лицо.

– Господи, где же ты был столько лет? Мон анже, – французский прозвучал у неё с немалым сарказмом.

– Элен! Сэ трэ бьен! Жо э бессиль! Миль пардон, мон ами!

– Очень ему хорошо, ишь! Дурак – это точно! Что мне теперь от твоего прощения, а? Ты что, по-русски разучился говорить? – отчитывала она его, словно нашкодившего кота.

– Я очень волнуюсь, Элен, – заговорил он вполне по-русски.

– Чего это ты вдруг заволновался?

– Боялся, что забыла, не пропустишь, – небольшой акцент выдавал в нём француза.

Лежачее положение мама сменила на сидячее с помощью наших подросших многочисленных рук. Мы облегчённо присели на стулья.

– Леон, это твой отец, лёгок на помине, – сказала она мне.

– Я уже понял.

– Кэс кё сэ помине? Меня похоронили, Элен? – возмутился, только что появившийся в моей жизни, папа.

– Где-то три десятка лет прогулял, заявился, а, смотри-ка, уже претензии! – так же без снисхождения парировала мама.

– Я искал вас долго. Ма фамилий, прощение, моя семья из Франции тоже вас искала. Ответы приходили, что мадам Лейкина Елена Витальевна не значится ни там, ни где. Адреса точного нет, трудно искать.

– Что ж ты писем не писал, когда я в общежитии жила.

– Я писал, возвращали. Оттуда в Люньон Советик не пропускали ничего даже через Францию из-за поддержки вами повстанцев.

– А какая у тебя семья, ты женат? – с подозрением спросила мадам бывшая Лейкина.

– Мама, папа, – ответил он с ударением на последнюю гласную.

– А жена, дети?

– Но, пардон, нет, я же женат на тебе, мон анже.

– Не врѐшь?

– Эй, как-то, ей Богу!

– Я ведь с сыном твою фамилию взяла.

– Догадался, поэтому нашѐл. Только искал сначала Маршаль, а вы Маршал. Мне повезло, что мой коллега работал по Роттердаму с нашим сыном. Как узнал, что Леон Жильевич, понял, что нашѐл вас и сразу прилетел и поехал в указанный офис.

– И что? – спросил я.

– Там никого уже не было. Мне помог поли..., пардон, милиционер за пятьсот евро. Позвонил куда-то, дал адрес, и я тут.

Мама смотрела на него, то ли улыбаясь, то ли сомневаясь, полными слѐз глазами. Она не верила своему счастью снова видеть перед собой любимого человека.

– Вот это да! Помог за пятьсот евро! Дорогая помощь, однако! – качая головой, воскликнула Таня.

– Сэ тон кошмар, ле флѐр! – вскочил с места Жиль Касс до Маршаль и быстрым шагом ушѐл в прихожую.

– Что случилось, опять убегаешь? – лишь успела вслед

крикнуть мама.

Через пару секунд тот появился в зале с букетом рубиновых роз и вручил их ей со словами:

– Совсем забыл, извини, эти цветы тебе, мон анже! И кольцо. Вот оно.

Он надел ей его на безымянный палец правой руки, на котором тридцать три года продолжало красоваться тоненькое обручальное колечко. Мама, потеряв дар речи, с восхищением смотрела на дорогой подарок с крупным бриллиантом. Наконец, она произнесла:

– Жиль, это же безумно дорого! В самый раз даже.

– Для тебя ничего не жалко, мон ами!

– Как долго я тебя ждала! – из её глаз потекли слёзы.

– Не плачь, Элен, теперь мы вместе навсегда!

– Как это?

– Я хочу, чтобы мы поехали ко мне в Марсель!

– Насовсем?

– Уи, конечно, авек тю а мон мэзон.

– Спасибо, но я не знаю, Жиль, это очень неожиданно для меня.

– Элен, я столько лет ждал такого случая!

– А как же Леон?

– Это и его дом в Марселе.

– Прокатиться можно, конечно, – произнёс я, взяв у мамы цветы, чтобы поставить в вазу с водой.

Отец повернулся ко мне и с чувством обнял меня, чуть не

раздавив букет.

– Это твоя девушка? – спросил он меня.

– Да, Татьяна, – неожиданно для себя согласился я.

Она смутилась, а он поцеловал ей руку и сказал:

– Очень приятно, а я Жиль.

– Мне тоже очень приятно.

– Поедете в Марсель, Татьяна?

– Ой, я тут в качестве всего лишь гостя.

– Там очень хорошо, море, солнце. Я завтра же оформлю всем вам визы!

– Ты что, Жиль, думал обо мне в своей Африке? – спросила, наконец, мама.

– Ожурдьи! Елен, мне было так плохо без тебя!

– Прямо, война и немцы.

– Кэс кё сэ? – не понял он.

– Проехали.

– Русские загадки?

– Вот именно. Садись кушать, лягушонок-путешественник!

Жиль Маршаль, наконец-то, снял своё пальто и шарф. Мама подхватила их, чтобы унести в прихожую, сказав ему:

– Пошли мыть руки.

– Уи, мон анже, – согласился он, направляясь за ней.

Татьяна посмотрела на часы.

– Поздно уже, ты меня проводишь до метро, Леон?

– С удовольствием, но, может, останешься?

– Извини, пора и честь знать.

– Я вызову такси.

– Да, будь добр.

Было ясно, что её удерживало желание остаться, но приличие не позволяло дать волю чувствам. Мне тоже было жаль с ней расставаться. Как-то очень гармонично она влилась в наш семейный круг, что не хотелось его опустошать. Она понравилась и маме с первой минуты встречи. Нет, я не влюбился, но её общество мне было более чем приятно. Обескураживала скромность, найти такую девушку в нынешнее время в Москве, кажется, невозможно.

Вызвал такси. Мы спустились на улицу. Машина ещё не пришла.

– Ты мне дашь свой телефон? – спросил я.

– Боюсь, моя модель тебя не устроит, уж очень дамская.

– Ну, тогда хотя бы номер, – понял я её шутку.

– Хорошо, записывай.

Она назвала цифры. Подъехала машина.

Я взял её руку.

– Танюш, завтра можно позвонить?

– Да, с удовольствием отвечу. Мне было приятно познакомиться с твоей семьёй. Спасибо за прекрасный вечер.

– Тогда до завтра!

– До завтра!

Помог ей сесть в машину и дал денег таксисту, сказав ему, чтобы он довёз Таню до самого подъезда.

Мы с ней помахали друг другу. Остался стоять один. Именно так, потому что чувство одиночества вдруг охватило мою душу, хотя в квартире меня ждали мама и папа, которого впервые увидел в своей жизни. С этой минуты стало ясно, что я всё-таки влюбился. Приятно было ощущать, что это чувство, кажется, взаимно. Влюбился! Мне хотелось крикнуть на всю вселенную, похвалиться звёздам и чёрному небу.

***

Отец выставил на стол две огромные бутылки вина.

– Это собственного производства выдержки сорока лет. Я его положил в подвал перед поездкой в Москву на учёбу.

– Интересно, надо попробовать! – предложила мама.

– Да, мечтал об этом все годы, что мы встретимся, и смогу угостить вас именно этим вином.

– Какой седой ты стал!

– Слава Богу, что не лысый.

– Но не очень-то постарел, хорошо выглядишь!

– Елен, ты тоже хорошо сохранилась!

– Скажешь тоже!

– Ты всё так же прекрасна! Поедешь ко мне во Францию?

Там родители очень хотят тебя увидеть.

– Они живы? Хорошо.

– Мон пэр, пардон, моему папе восемьдесят лет, а маме семьдесят пять, но пока передвигаются вполне самостоя-

тельно, даже трудятся в виноградниках.

– Ты, смотрю, русский язык не забыл, даже лучше говоришь, чем раньше.

– Я старался читать русскую литературу. Мне удалось достать и прочитать много разных произведений Толстых Льва и Алексея, Пушкина, Достоевского, Чехова, Тургенева, других авторов на русском языке. Готовился к встрече с тобой, Элен, каждый день.

– Молодец! А мне как-то не хотелось читать французские книги. Была уверена, что не увижу больше тебя, хотя надеялась в глубине души и мечтала.

– Вы простите меня, родные, я виноват перед вами. Так распорядилось правительство, что я оказался заперт от вас на столько лет.

– А ты знаешь, что в России давно капитализм?

– Да, но спорные вопросы до сих пор существуют. Даже отметка в моём паспорте, что ты моя жена, не сыграла никакой роли, так как она сделана была в СССР. Теперь, пожалуйста.

– Тяжёлый случай! – вставил я.

– Наконец-то, мы можем быть вместе! – облегчённо сказал отец со слезами в глазах, нежно обнимая маму.

– Ты кушай, Жиль, давай курочку погрею.

– Спасибо, Элен, всё очень вкусно, не надо греть, посиди рядышком, пожалуйста.

– Как тебе наш сын Леон?

– Прекрасно! Я даже пока не знаю, как к нему подступиться.

– Думаю, у нас будет время пообщаться. Кстати, вино прекрасное, – отметил я.

– Лё момен! А муа илья боку, пардон, парле ан франсэ, снова заволновался, перешёл на французский. У меня ещё подарки, – попытался привстать отец.

– Да кушай ты спокойно, успеешь подарить! – усадив его обратно, нажав рукой на плечо, настояла мама.

– Я когда волнуюсь, забываю русский. Готовился к встрече тщательно, а пришёл и всё забыл.

– Сиди, дай хоть на тебя насмотреться, муженёк!

– Там подарки в прихожей.

– Не убегут твои подарки!

– Я хотел вручить!

– В душ пойдёшь перед сном?– спросила мужа мама.

– Обязательно!

– Спать-то со мной или один будешь?

– Непременно с тобой, мон анже! Мы должны наверстать всё упущенное!

– Вы меня извините, не буду вам мешать, желаю спокойной ночи, – сказал я, встал, поцеловал мамину щёчку, впервые пожал отцу руку.

– Бон нуар, Леон!

– Спокойной ночи, сын.

Вскоре я лежал в своей постели. Мне не хотелось спать.

Мысли и чувства не давали покоя. Я был счастлив за маму, рад, что обрёл отца и влюбился в Татьяну. Как тут уснёшь, столько счастья в один день!

В какой-то момент я незаметно для себя всё-таки уснул. Мне, в продолжение моих мыслей, снилась счастливая мама, гуляющая в обнимку с отцом по морском берегу. Затем Татьяна, почему-то на мотоцикле, катающаяся рядом с ними кругами. Потом она поехала навстречу мне, крича: «Леон! Леон! Леон!»

Я проснулся. Мама меня толкала в плечо. Увидела, что разбудила.

– Доброе утро, точнее день, тебя к телефону.

– Привет! Кому там я понадобился?

– Из Йошкар-Олы звонят уже третий раз.

– Ладно, давай трубку.

Вчера её оставил в зале. Звонил директор марийского филиала Семен Михайлович.

– Слушаю, – сказал я в телефон.

– Привет, Леон Жильевич! Извините, что беспокою, дело срочное, хотя и личное.

– Ну, говори, Михалыч, коли срочное.

– Можно со счёта снять двести тысяч, я потихоньку из зарплаты верну.

– Что за новости такие?

– Меня страховая фирма обманула, а я на ремонт машины занимал, требуют вернуть срочно.

– Это как она тебя обманула?

– В меня врезался один обормот, я отдал свою тачку в автосервис, те сделали, содрали двести семьдесят тысяч. Страховщики должны были выплатить за ремонт, как лично мне директриса обещала, а дали только семьдесят. Я занимал под проценты, уже на просрочке нахожусь. Мало того, что страховая тянула три месяца, ещё и на двести обманула.

– В суд надо подать!

– Пока я подаю, у меня такие проценты набегут, что без штанов останусь, да и адвокаты не бесплатные.

– Что за страховая такая?

– Да «Ресо», я в ней, дурак, и по «каска» и по «осаго» кучу денег выбросил.

– Что ж ты с такой фирмой связался?

– Да я за двадцать лет вождения ни разу в ДТП не был, откуда ж я мог знать, что они нечестные такие.

– Ладно, деньги возьми под беспроцентный кредит, пусть бухгалтерия из зарплаты вычитает, а в суд подай.

– Лучше я сам рассчитаюсь, а судиться не люблю, никакого времени и денег на это дело не напасёшься. Этих страховщиков видеть больше не могу

– А ты оценку-то делал?

– Меня директриса заверила, что выплатит всю сумму по счёту за ремонт без оценки.

– Вот тогда она тебя и развела, как малыша.

– Знал бы, что она такое, не вляпался бы.

– Производство идёт?

– Да, всё в порядке, заказов бы прибавить.

– Прибавлю, не бойся.

– Хорошо бы, я вторую смену б организовал.

– Не торопись, Михалыч. Ну, пока, что ли.

– Спасибо, Леон Жильевич, что выручили. До свиданья.

– Давай, трудись.

«Эх, Михалыч! Пожилой человек, а обдурили тебя, как дитя!» – подумал я. Мне эта страховая компания давно не нравилась, слышал, что страдает сверхжадностью, поэтому никогда не пользовался её услугами. Если нет приятеля-оценщика в их конторе, то нет смысла им деньги давать за страховку. Обязательно обманут. Это такая форма надувательства под эгидой страхования.

Трудно честному человеку жить в капиталистическом обществе. Обворовывают все: бизнесмены, чиновники, лжедрузья, торгаши и прочие.

А ведь Михалыч когда-то руководил небольшим заводом, отобрали и должность, и приватизированное предприятие в один день. Теперь депутат там хозяин. И про суд Михалыч прав, опыт большой, тоже мафия. Законы ведь кто делает? Правящая партия. А в ней кто? Объединившиеся самые крутые коррупционеры, взяточники, лоббисты, рейдеры. В итоге, геноцид честного населения. Одним словом, капитализм...

***

Мама разглядывала подарки Жилия, когда я зашёл в зал.

– Добрый день.

– Пришёл, Леон? Садись завтракать, – сказала она.

– День добрый, – очень радостно поздоровался отец.

Их счастливые помолодевшие лица светились. Наверное, никогда в жизни мне не доводилось видеть маму в столь приподнятом настроении. Она словно летала, окрылённая в потоке нахлынувшей любви.

– Жиль, давай сегодня не будем заниматься визами.

Оставь на потом, – предложила мама.

– Как скажешь, Элен.

– Тут где-то ты подарки Леону приготовил, вручай.

– Да, конечно. Извини, Леон, я от счастья всё забыл.

Он вынул из рядом стоявшей коробки скульптурку с гербом, шкатулку сигар с геральдической инкрустацией, и шпагу с эфесом, наконечник которого обозначал принадлежность хозяина к какому-то роду.

– Интересно, – проронил я фразу.

– Да, эти предметы нашего древнего рода. Статуэтка в виде герба, сигары из табака наших полей, на шкатулке тоже наша символика, шпага, также с гербом на эфесе и ножнах. Это твоё по праву.

– И кто же мы тогда.

– Графы.

– Во Франции есть графы?

– Да. Кстати, этой чести графского звания нас удостоил никто иной, как Пётр Первый – император русский, когда наш прапрадед служил у него в России. Поэтому мы неотрывно связаны с этой страной, и я был послан именно сюда учиться. Жаль, что политика помешала нам быть вместе целых тридцать три года.

– А что же прапрадед уехал во Францию жить?

– После смерти Петра были гонения, его выслали из России, лишив крестьян и имения. Видишь, герб российский, но он очень уважаем и во Франции.

– Интересно, конечно, – оставалось сказать мне, разглядывая дорогие подарки.

– Из грязи в князи, – отметила мама.

– Почему из грязи? И не в князи, а в графы, – удивился, уточняя, Жиль.

– Ты бы знал, как мы тут плюхались, дорогой!

– Я всё исправлю, Элен!

– Теперь мы и сами с усами! Да, сын.

– Да, мама.

– Но вы должны знать свою историю! – слегка возмутился Жиль.

– Никто не против, – заметил я.

У отца немного смешно получались некоторые фразы из-за ударения на последнюю гласную, но именно поэтому некоторые слова звучали ещё убедительнее: «историю-у!»

Он, поняв, что все его поняли, сразу успокоился.

– Темперамент-то у тебя по-прежнему французский! Да, Жиль? – улыбаясь, спросила мама.

– Во мне течёт кровь француза.

– Вот и у Леона зачастую говорят твои корни.

– Я очень хочу, Элен, чтобы мы поехали в Марсель. Вас мечтают увидеть мои родители. Так и сказали: без вас не возвращаться.

– Мы съездим, конечно, пусть всё устаканится сначала, я столько лет тебя ждала, подожди, дай душе успокоиться.

– Устаканится? Я такого не слышал. Опять русские загадки!

– Жиль, это у меня заговорили русские корни, извини, – оправдалась мама.

У меня в телефоне было более двадцати пропущенных звонков, надо было мчаться в офис, должны состояться встречи, которых я не мог отменить. Генрих тоже заждался обещанного ФСО, надо было получить драфт-контракт и тоже отправить ему. Домашняя обстановка не могла располагать к работе.

– Дорогие родственники, прошу меня извинить, но мне пора на работу, – объявил я.

Нужно было сказать: мама и папа. Язык не повернулся. Сложно в тридцать три года назвать папой отца, хотя и долгожданного. Правду говоря, ожидание кончилось уже лет двадцать тому назад.

***

Вечером я встретился с Татьяной. Мы гуляли по Москве. 2002-й год заканчивался, пошёл густой крупный снег, предвещающая начало задержавшейся зимы. В витринах магазинов сверкали новогодние ёлки. Скоро Новый год, пора новых надежд. Что он нам принесёт?

– Странно, вовсю идёт декабрь, а снег только теперь пошёл, – вторя моим мыслям, заметила Татьяна.

– И, слава Богу, слякоть и серость уже так надоели. Хочется мороза и солнца, чудесного дня, когда ты ещё спишь, мой друг прелестный.

– Да, скоро Новый год! Как быстро летит время.

– Вы с семьёй обычно как встречаете новогодний праздник?

– Дома. Как говорит папа, под бой курантов вся семья должна быть в сборе.

– А у тебя братья, сёстры есть?

– Только двоюродные, одни живут в Подмосковье, другие на Украине. У меня мама наполовину украинка из Харькова, там её сестра живёт с мужем и детьми.

– А папа из Подмосковья?

– Нет, он москвич. Его брат служит в армии офицером в Солнечногорске. Подполковник. У него там жена, дети. Приезжают в гости частенько. Очень весёлые люди.

– А твои родители?

– Мои? Родители, как родители. Папа учёный в НИИ, мама учитель в школе.

– Наверное, скромно живёте?

– Сейчас чуть лучше, чем в девяностых, пытаемся выживать.

– А как тебя в Богородское училище занесло?

– Знаешь, Леон, в школе кружок такой был, вот и загорелось мне выучиться на резчика-профессионала. Тогда мода была на резную продукцию. По окончании хорошо всё пошло, но вскоре настало затишье.

– Перестали покупать?

– Кое-что берут из символики, но это так не интересно. Разве что, экономлю на подарках. Дарю свои поделки. Мебель дома тоже, в основном, резная.

– А компьютерная графика?

– С ней дела были лучше, но после перерыва из-за Норд-Оста все заказчики нашли новых художников, поэтому я сейчас в поиске.

– Поиск – это интересно. Я тоже долго искал, сложно было начинать бизнес без первоначального капитала. Приходилось за всё хвататься.

– Давно это было?

– Юбилей был в августе, отмечали пятилетие фирмы. Только открылись, дефолт стукнул, и так народ был без денег, а тут ещё это.

– Что делали?

– В квартирах ремонт, пищу развозили, потом договорился о пиломатериале в Йошкар-Оле, стал здесь продавать.

– Большая фирма?

– Сначала была маленькая, потом разрослась. Стали котеджи строить, за границу деревяшки отправлять, своих лесорубов организовали, пилорамы, столярку, влез в нефтегазовый бизнес.

– И как?

– Так и шуршим. Теперь приходится всё контролировать. Сейчас стабилизировалось, но забот всё равно хватает.

– Отдыхать удаётся, Леон?

– Редко. Если сам не прослежу за ходом работ, то считай, пропало. Или напортачат, или украдут. Отдыхаю, в основном, когда сплю.

– А заместители на что?

– Им платить надо – лишние рты, ещё больше рабочих украдут. Это я уже проходил.

– Наверное, воруют, когда зарплата маленькая.

– В России, чем больше зарплата, тем больше крадут, Таня.

– Я, видимо, совсем наивная в этих вопросах.

– Если своё дело не вела, то конечно.

– Пока не довелось, но ведь работают же люди, видеокмеры ставят, чтобы не воровали.

– Значит, я должен круглые сутки сидеть на просмотре видеозаписи?

– А охранники?

– Танюш, охрана тоже хочет зарплату и крадёт точно также.

– Замкнутый круг какой-то!

– Вот и приходится придумывать формы труда без лишних ртов, и чтобы невыгодно было воровать.

– А почему так у нас?

– Всегда так было, при царизме, социализме, а сейчас и подавно, ведь, чтобы что-то купить, деньги нужны, которых всегда мало.

Но хороших людей больше.

– Тяжёлый случай, но небезнадёжный.

– Что-то мы прогулку в производственное совещание превратили. Тебе не кажется, Танюш?

– Мне наоборот интересно. Я жила в своём тихом мирке, а, оказывается, есть другая сторона жизни.

– Может, зайдём перекусить куда-нибудь?

– Честно говоря, я не люблю общепит, да и не голодна после вчерашнего переедания.

– Будем гулять?

– Если можно. Такая замечательная погода!

Крупный снег продолжал засыпать всё вокруг. Лучи фонарей были наполнены им, как нескончаемым водопадом. Мы начинали походить на снеговиков. Ресницы Татьяны были облеплены снежинками, напоминая сказочный персонаж из «Морозко». Деревья припорошило, придав им исполин-

ский вид. На проезжей части было невозможно различать модели автомобилей, сквозь белые хлопья виднелись лишь включённые фары. Мы шли по белому покрывалу тротуара, которое становилось с каждой минутой толще и глубже. Снежинки таяли на наших лицах. Татьяна крепко держалась за мою руку, как будто боялась заблудиться.

– Вот сейчас, например, я отдыхаю. Удивительно, Татьяна, но никто мне ни разу не позвонил за весь вечер.

– И мне, даже родители. Обычно беспокоятся.

– А кто ещё, кроме них.

– Света любит по вечерам со мной поболтать по телефону.

У меня в куртке запела мелодия сотового аппарата.

– Сглазил, не успел подумать, нате вам!

– Ну, послушай, что ж теперь делать.

Звонила мама.

– Слушаю Вас, Елена Витальевна, – ответил я.

– Леон, ты где?

– Гуляю вместе с Татьяной. А что?

– Идите срочно к нам, тут такое!

– Что случилось? – забеспокоился я.

– Жиль наготовил французской и африканской всякой всячины, а вас до сих пор нет. Бегом домой с Татьяной.

– Сейчас узнаю у неё.

– Нечего узнавать! Бери в охапку и привози! Всё, ждём!

Короткие гудки.

– Таня, приказано ехать к нам испробовать кулинарные

изыски французской и африканской кухни моего объявившегося вчера отца.

– Ой-ёй-ёй! Я вчера не знала, как выжить!

– Приказы мамы не обсуждают, надо уважить.

– Моя такая же, недаром учителем работает, – покорно произнесла Татьяна.

Невдалеке очень кстати стояла машина такси. Вскоре мы очутились в прихожей нашей квартиры.

– Привет, молодёжь! Руки мыть и за стол! – вам, думаю, понятно, кто это мог сказать сразу на входе.

– О, шер Татьяна, Леон, рад вас видеть! – тоже понятно, да?

– Добрый вечер! – сказала Татьяна, а Жиль уже снимал с неё пальто.

Стол был отменный. Блюда выглядели изысканно в европейском стиле с лёгким украшательским дизайном от одного взмаха. У нас в какой-то период была модна живопись, картины, которые не писали, а делали в виде набрызга от кисти или лёгких штрихов. Ценители, как ни странно, находили в них темы, даже особый смысл.

– Сэ шанте до винь – французское блюдо «Винный танец», его готовят на праздник, когда виноград поспел, и из него начинают делать вино, хотя перевод, возможно, не точен, – объяснял Жиль.

– Смотрите, оно похоже на виноград в каком-то соусе, – отметила Таня.

– Совершенно верно, эти шарики из виноградных листьев, но когда Вы попробуете, что там внутри, то оближете пальчики! – убеждал Жиль.

– А здесь что-то совсем уж экзотическое. Это африканское блюдо?

– Уи, мадемузель! Банахама – «Райское чудо», с фи́гуа в бланшированном ананасе, фаршированном... Рискните отгадать, когда попробуете!

– А тут что? Вы меня заинтриговали, Жиль... А как бы отчество сказать? – замешкалась Татьяна.

– Зовите меня Жиль Касс, мадемузель.

– Лучше Жиль Кассович, – пошутил я, и все засмеялись.

– Это акула и другие дары моря в специальном соусе из мидий и шампиньонов – «Шерше ля фам» – очень полезно для мужчин, хм, – ухмыльнулся своему уточнению довольный француз.

– Жиль, как тебе не стыдно при молодёжи такое говорить? – укорила его мама.

– У нас даже в телевизионной рекламе рекомендуют и так говорят про «шерше ля фам» и про луковый суп на ночь, про лягушачьи лапки и про многое остальное, что не вредно, – засмутился он.

– А как Вам удалось составить Эйфелеву башню из обычных креветок? – восхищённо спрашивала Таня.

– Лимонный сок, кропотливость и желание угодить Элен и вам, Татьяна и Леон!

– Целый день возился, муженёк мой, а вы ехать не хотели! – объявила нам его жена.

Все боялись тронуть блюда, дабы это не нарушило бы созданную красоту. Помимо вышеуказанного списка в трапезу были включены не менее аппетитные экзотические ошеломляющие салаты и десерт.

Жиль открыл шампанское и налил в фужеры, поднял свой со словами:

– За мою любимую Элен, за встречу через столько лет, за мою полноценную семью, где у меня есть жена и сын!

Читателю могу предложить в этот момент сделать перекусочную паузу, чтобы, представляя всю ту красоту творений Жилия, не захлебнуться собственной слюной от желания всё попробовать. Я ничего подобного не мог себе даже представить при моём неслабом достатке, и, казалось, отвыкшему удивляться кулинарным изыскам. То было нечто неопишное! Главное, видна рука мастера, являющегося настоящим художником.

– Очень вкусно! Вы с собой столько продуктов привезли?

– Что Вы, Татьяна! Всё куплено здесь в Москве в супермаркете.

– Надо же! Я, наверное, просто не смотрю на витрины, где всё дорого.

– У нас тоже дорого, даже то, что у вас совсем дешёво.

– Между прочим, из Марий Эл экспортируют крупных раков во Францию, московская бригада каждый год приезжает

на отлов на озеро Старожилово, что возле Килемар, – отметил я.

– Да, а у нас мелких продают, да заморских! – вставила мама.

– По цене и сбыт.

– Уи, уи, – подтвердил мои слова отец, кивая головой.

С улицы послышался какой-то шум, хлопки. Мы, словно сговорились, подошли все вместе к окну. Во дворе стояла светящаяся ёлка, вокруг которой собралась радостная толпа.

– Странно, когда мы к дому подъезжали, её не было, – удивилась Татьяна.

– Видимо, только что поставили, – пояснил я.

– Скоро Новый год, – вздохнула мама.

– Уи, уи, – кивал головой муж, обнимая её за талию

Таня стояла рядом со мной, мне очень захотелось её обнять, но она как бы почувствовала и повернулась, заглянув мне в лицо, словно спрашивая, что со мной. Несколько мгновений мы так стояли, глядя друг другу в глаза.

– А давайте танцевать! – предложила мама.

– Отличная мысль! – поддержал её Жиль.

– Леончик, сынок, включи, пожалуйста, что-нибудь душевное!

– Хорошо, сейчас.

– Ой, а давайте я принесу свой диск. У меня в сумочке лежит. На нём очень хорошие песни, вы их вряд ли слышали раньше, – предложила Татьяна.

– Замечательно, неси Танюша, – согласилась мама.

Я поставил принесённый диск с названием «Благословение любви», и зазвучала приятная мелодия, а затем полились слова:

Нет больше в жизни ничего,
Чтоб подарило то тепло,
Тот трепет сердца и души,
Какой бывает от любви.

Она приносит нам мечты,
Влечёт дыханьем красоты,
Внося в размеренные сутки
Свои безумные поступки.

Благословенье дано Свыше
Шаги любви своей услышать,
Приблизить счастье и мечту
Сближеньем душ к венцу.

Неся добро и красоту,
Души согретой теплоту,
Любовь нам дарит чудеса,
На что способны небеса.

И настоящая любовь

Живёт сильнее вновь и вновь,
Ей нет преград и нет конца,
Нет постаревшего лица.

После каждого куплета шёл приятный проигрыш, хотелось, чтобы песня не кончалась, танец не останавливался, и мы в нём: мама и папа, Татьяна и я.

Наступила тишина. Родители, застыв, стояли в положении танцующих. Слёзы текли у обоих. Жиль целовал мокрое лицо своей возлюбленной жены, бормоча французские и русские слова. Она что-то тоже шептала в ответ.

На нас не обращали внимания. Им было не до кого, кроме своей любви, которую не разбила разлука, годы, покрывшие их сединой. Бог помог им, наконец-то, встретиться. Я понял, почему мама не выходила замуж за другого человека. Она ждала своего любимого Жилия всё время. И дождалась.

Похоже, что и он все годы грезил ею с мечтой вновь встретиться, чтобы не расставаться никогда.

Когда заиграла новая мелодия, мама, встрепенулась, подошла к проигрывателю и выключила.

– После той песни, боюсь, что не понравится следующая, – сказала она. – Жиль, а где шампанское?

– На столе.

– Значит, пора налить, хочу напиток, пусть голова кружится!

Они, как молодые голубки, ворковали весь вечер. Жиль

всячески ухаживал, кормил с вилки, обнимал и целовал при каждой возможности, шептал ей что-то на ушко. Она хохотала вместе с ним, он снова ей нашёптывал, и вновь им было смешно.

Мы с Татьяной, хотя и чувствовали себя немного лишними, но заведёнными их смехом, поддерживали компанию, как говорится, хохоча без причины, но от души. Так приятно было наблюдать за этими счастливыми любящими супругами!

Когда я отправился провожать Татьяну к такси, они даже не заметили. Она меня попросила не тревожить их из-за неё:

– Пусть себе наслаждаются друг другом.

– Я тоже хочу, – выпалил я, выходя из дома.

– Что?

– Наслаждаться!

– Со мной? – она пристально посмотрела в мои глаза.

– С тобой.

Татьяна приблизилась ко мне, потянулась своими губами к моим, я горячо обнял её и стал жадно целовать. Через мгновение она выскользнула из моих объятий и запрыгнула в такси. Махнула мне рукой в окне заснеженной машины. Я ругал себя за то, что, возможно, сделал ей больно во время поцелуя.

Набрал её номер.

– Слушаю тебя, Леон.

– Я тебя не обидел?

– Всё хорошо, мне было очень приятно.

– Ты как-то резко умчалась, я даже такси не успел оплатить.

– Не расстраивайся, всё замечательно, даже лучше!

– Завтра увидимся?

– Пожалуй, да.

– Ты в сомнении?

– Скорее в смятении.

– От чего?

– Извини, но тут рядом посторонний мужчина за рулём.

– Как это я посторонний! Я тут главный! – услышал я голос таксиста, перешедший в хохот.

– Хорошо, я завтра позвоню.

– Тогда пока.

– Пока, спокойной ночи.

– И тебе.

В трубке высветилось «звонок завершён».

Мне не хотелось сразу же возвращаться домой. Я стоял возле подъезда, дыша свежим снежным воздухом, наслаждаясь окружающей меня красотой. Во мне уже зарождалось ощущение приближающегося счастья. Ещё не было полноты чувства, но меня определённо тянуло к Татьяне, я уже скучал о ней, не хватало её постоянного присутствия. Она необычна, совсем не такая, как все, одинока, как я, скромна, даже замкнута, хотя откровенна, немного наивна, в ней чувствовалась творческая и устремлённая к красоте душа.

Сделал несколько глубоких вдохов зимнего воздуха и вернулся в квартиру.

Родители сидели за убраным столом, где красовались лишь розы в вазе.

– Вы уже всё убрали? Молодцы!

– Напару всё скорее спорится, – ответила мама, сидя на диване рядом с обнимающим её Жилем.

– А я провожал Татьяну.

– Ты за нас извинился, что не попрощались. Мы даже не заметили её ухода.

– Она сама просила вас не беспокоить и ушла по-английски.

– Леон, ты можешь присесть ближе, чтобы поговорить с нами на одну серьёзную тему? – обратился ко мне отец.

– Конечно, – согласившись, я присел в кресло напротив.

– Мне сегодня звонили твои бабушки и дедушка из Марселя.

– Что-то случилось?

– Нет, слава Богу! Они очень просили, чтобы я привёз к ним Элен и тебя, чтобы познакомиться, пообщаться.

– Когда надо ехать?

– Визы мне для вас сделают за один день, и тут же можно вылетать.

– Значит, послезавтра?

– Да, Леон.

– Я немного не готов из-за отношений с Татьяной. Мне бы

не хотелось с ней расставаться.

– А ты предложи ей съездить с нами.

– Не знаю, согласится ли, думаю, вряд ли. Сомневаюсь также, что у неё загранпаспорт есть вообще.

– Попробуй уговорить, мы можем не торопиться, подождём день-два.

– А давайте пригласим бабушку и дедушку к нам, – родилась у меня, возможно, детская идея.

– Заманчиво, конечно. Они в России не бывали, хотя всегда о том мечтали.

– Давайте попробуем. Попытка – не пытка.

– Понимаешь ли, в чём ещё дело? Ты единственный наследник нашей любви и нашего рода, и нам бы хотелось тебе показать всё то, чем будешь обладать.

– Сказано красиво! Никогда не слышал фразы «наследник любви». Это из французского?

– Нет, Леон, только что родилось на самом, что ни на есть, русском языке.

– То ни гроша, а тут сразу алтын. Мне как-то неудобно о наследстве даже думать-то.

– Но оно твоё по праву, и мы обязаны, чтобы ты всё знал.

– Куда торопиться-то?

– Я тебе всё расскажу, но сначала есть одна просьба, – Жиль заволновался.

– Слушаю внимательно.

– Я твой папа, поэтому прошу называть меня на ты и па-

пой или, на худой конец, Жилем, – еле выговорил он с повлажневшими глазами и с дрожащим подбородком.

Настала пауза. Мне надо было его назвать папой. Почему это так сложно? Я должен был мечтать об этом!

– Ну, сынок! – попыталась поддержать меня мама.

– Хорошо, папа, давай на ты, – выдавил я из себя, как можно, отчётливо.

– Вот и прекрасно! – одобрила мама.

– Спасибо, сын, – поблагодарил отец.

– Что ты хотел рассказать? – напомнил я.

Снова возникла пауза. Жиль собирался с духом.

– Мне недолго осталось жить. Африка не прошла даром, я болен, – с трудом сказал он.

Мама успокаивала его, глядя рукой по плечу.

– Что-то серьёзное?

– Да, мне предстоит операция, исход которой врачи не могут гарантировать. Даже в случае успеха, продление срока жизни незначительное.

Мама положила голову ему на плечо, держась рукой в области собственного сердца.

– Тебе плохо? – спросил я её.

– Ничего, Леон, уже проходит.

– Может, корвалол принести?

– Извини, я его уже весь за сегодня выпила.

– И молчала? Тогда я в аптеку сбегаяю.

– Не надо. Мне Жиль дал лекарство, уже проходит.

– Операция срочная? – спросил я отца.

– Назначена на седьмое января.

– Это же через три недели всего!

– Да. Слава Богу, что я успел вас найти, – выдохнул Жиль.

– Клиника хорошая?

– Одна из лучших.

Снова царила пауза. Все задумались. Наверное, об одном и том же, что было всё вроде бы прекрасно, казалось, наступило счастье, но нет, опять проблема. Причём, неразрешимая.

– Когда скажешь, тогда и поедем, – констатировал я.

– Мне понравилась твоя идея пригласить родителей сюда. Я бы хотел показать им не только вас, но и Москву, пройтись с ними по Красной площади.

– А операция?

– Успею, сам же сказал, что есть три недели. Отметим Новый год всем составом в России. Здесь это всегда было веселее, чем во Франции. Родители снегу будут рады, а у тебя, Леон, будет время уговорить Татьяну.

– Отлично, звони в Марсель! А я сниму гостевой дом на базе отдыха с банькой, с прорубью, с ёлкой, с мангалом.

– А, может, здесь? – неуверенно предложил Жиль.

– Зачем на Новый год в квартире сидеть! Там природа, а по Москве я вас покатаю в любое время.

– Договорились.

***

Через два дня мы вчетвером встречали бабушку и дедушку.

В Шереметьево было много народа. Чувствовался предновогодний бум. Всем надо было успеть домой к праздничному столу, к рождественским каникулам, накупив подарков для родственников. Объявили о прилёте самолёта из Марселя.

Мама выглядела взволнованной. Жиль успокаивал, поглаживая ей руку. Таня рассматривала аэропорт.

– Ты здесь в первый раз? – спросил я.

– Да, как-то не доводилось улетать или встречать здесь кого-либо.

– Скоро не только будем встречать, но и сами полетим.

– В смысле? Ты скоро улетаешь?

– Вместе с тобой.

– Странно, я об этом ничего не знаю.

– Бывает.

– И всё же? Я же не чемодан, объясни, пожалуйста.

– Я хочу, чтобы ты отправилась вместе со мной во Францию после Нового года.

– Как интересно получается. Ты спрашиваешь меня, поеду ли я?

– Да, можно и так сформулировать, но надо учитывать моё огромное желание быть вместе с тобой.

– Мне приятно это слышать, конечно, но в каком качестве я должна принять такое предложение.

– Возможно, даже невесты.

– Леон, а не рановато?

– Вот мы и узнаем.

– Действительно, покатаемся и узнаем.

– Таня, ты скажи, согласна?

– Я даже не представляю, что тебе ответить.

– Можно тебе помочь?

– Каким образом?

– Мне не хочется с тобой расставаться ни на один день.

– Ты в себе уверен?

– Абсолютно!

– Вдруг я тебе надоем там во Франции, и ты меня бросишь на произвол судьбы.

– Я похож на непорядочного человека?

– Как сказать, вчера в кафе ты изрядно ко мне приставал с поцелуями.

– Просто не мог собой обладать при виде тебя.

– И решил обладать мной? А вдруг во Франции нечаянно потеряешь самообладание?

– Я уже его теряю!

– Ты считаешь, что я должна согласиться?

– С полной уверенностью в моё чувство.

– Тогда увози меня куда хочешь!

– Тогда ты останешься сегодня со мной?

– Леон! То Франция, то квартира.

– Не квартира, а гостевой дом на базе отдыха.

– Ты проказник и искунитель, вчера меня мучил весь вечер поцелуями, сегодня решил меня напрочь извести.

– Когда ты уезжаешь к родителям, я по тебе сильно скучаю.

– Мы не дадим тебя извести, – вмешалась мама.

– Всё, идут! – добавил Жиль, шурша обёрнутым букетом.

Мои гранд мэр и гранд пэр выглядели счастливой пожилой парочкой. Никакой титульной чопорности. Радостно расцеловались и обнялись с Жилем, который тут же им представил свою жену:

– Сэ мон анже Элен!

– Мари, – попросту назвалась бабушка, целуясь с мамой.

– Жак, – обнял и поцеловал маму в щёчку дедушка.

– Татьяна и Леон, – представил нас Жиль.

Снова поцелуи в обнимку с обворожительной улыбкой на довольных лицах прибывших родственников.

Они очень быстро и много говорили на южном французском, что я не успевал ничего понять со своим без того малым знанием их языка. Отец переводил:

– Им понравилась Москва с воздуха, вся в снегу.

– Мы сейчас отправимся в дом на природе, вот там будет много снега и очень красиво, – объявила мама.

Я взял их чемодан на колёсиках, и вся наша французо-русскоговорящая толпа направилась к выходу к моей се-

миместной машине. Автомобиль сразу же наполнился новым, видимо, марсельским запахом.

– Они просят провезти их через Красную Площадь, – крикнул мне сзади отец.

– Уи, лё плас руж! – подсказывал дед, кивая головой.

– Нет проблем, – отвечал я, сидя за рулём своего джипа.

Вместо МКАД пришлось ехать через центр города. Стенело, как положено зимой, рано. Красивая в будни с хорошей подсветкой зданий, красочными витринами, Тверская улица ещё и сверкала огнями новогодней иллюминации. Наши французы смотрели на Москву с замиранием сердца.

– Кремль! – объявил я, когда мы подъехали на стоянку сзади собора Василия Блаженного.

Восторг гостей был нескончаемым. Видеокамера Жилия снимала позирующих на каждом шагу родителей. Бой курантов они встретили аплодисментами. Заснялись рядом с рабочими, устанавливающими каток, с проходящими милиционерами на фоне Кремля, мавзолея, ГУМа, соборов, возле памятника Минину и Пожарскому, возле лобного места. Когда возвращались к машине, бабушка с дедушкой стали серьёзными, походка стала важной с чувством выполненного долга.

Мы поехали дальше по Кутузовскому проспекту, где Жиль рассказал о Триумфальной арке, которая была построена в честь победы над армией Наполеона. Про Бородинскую панораму почему-то умолчал.

Немного Ленинградского шоссе через кольцевую дорогу, ещё немного и поворот направо. Через три километра база отдыха. Моя секретарша Света постоянно там устраивала наших гостей, особенно иностранных.

Кованые ворота раскрылись. Огромный корпус основного здания был ярко освещён подсветкой. Посреди двора стояла огромная ель с мигающими стробиками. Мы проехали по узкой дорожке дальше, туда, где стояли гостевые дома. Наш семнадцатый. Приехали.

Изумительный воздух. Снег скрипит под ногами. Вокруг высоченные сосны и ели. Сзади подъехала моя служебная машина. Из неё вышли Йошкар-Олинские дедушка и бабушка с огромными баулами.

Ещё вчера мама им позвонила, чтобы пригласить к нам Новый год, и вот они уже здесь. Мой водитель их встретил на Казанском вокзале. Теперь он освобождал багажник от той поклажи, что не уместилась в салоне.

Извините, я просто не описал вчерашний день, когда мы решили собрать родителей и с маминой стороны, как мы с Татьяной посещали кафе, где я зацеловал её, а потом и диско-клуб, где затанцевал. Домой она вчера не уезжала, ей постелили на диване. Но я ночью приходил к ней несколько раз, чтобы целоваться. Если б не бессонница мамы...

Что тут непонятного. Если каждый день описывать, то в России деревьев не хватит на бумагу.

В общем, все родственники встретились во дворе семна-

дцатого дома базы отдыха, не успев даже дойти до крыльца.

– Мари, Жак, Жиль, – представила мама одних, – Нина, Виталий, – представила других.

Все обнимались и целовались, как будто были знакомы, давно не встречались.

– А вот Татьяна, – представил я её, – А это моя бабушка Нина Владимировна, и дед Виталий Сергеевич из Йошкар-Олы.

– Леон, невеста что ли? – спросил дед.

– Наверное!

– На свадьбу когда позовёшь? – спросила бабуля.

– Как определимся, тогда сразу.

– Не слушайте его, он у вас сказочник, вчера меня сказками донимал, сегодня за вас принялся, – отшучивалась Татьяна.

– Бизнесмены все сказочники, работа у них такая: не наврёшь, не сопрёшь, – пояснил Виталий Сергеевич.

– Ну, ты дед сказал, мне за тобой не угнаться!

Метрдотель, стоявший у крыльца, явно замёрз.

– Граждане, в дом будете входить или на улице останетесь? – побеспокоился он громким басом.

– Народ, идём в хату! – скомандовала мама.

– Антре, сильвупле! – скомандовал папа.

Пока метрдотель размещал наш огромный коллектив и объяснял каждому, как и чем пользоваться йошкар-олинцы расставляли в общем зале из своих баулов припасы соб-

ственного подвала. Чего там только не было! Даже мешок картофеля привезли.

Я проходил мимо, ища метрдотеля, чтобы дать чаевых, и обомлел от количества заготовок.

– Дед, ты чего тут понаставил, картошку-то зачем привёз?

– Это, Леончик, нашенская, экологически чистая, рассыпчатая.

– Бабуль, ты нас закормить решила?

– Здесь, внучек, всё своё, проверенное, собственными руками выращенное и сготовленное.

– Болтаешь, бабка, грибы в лесу растут, да и клюква с брусникой, – возмутился дед.

– А ты вообще молчи, поленился за черникой с голубикой ехать в этом году! Чем теперь народ-то кормить? Одной капустой да хреновиной? Что, проехали? Лодырь несчастный!

– Короче, я в откате! – осталось лишь мне сказать.

Появился метрдотель и возмутился:

– А вы, пожилые люди, что здесь делаете?

– Хозяйство у нас тут, – пояснил дед.

– Размещаться здесь что ли будете? Комнат вам не надо?

– Надо, милоч, как же без комнат, спать-то где будем? – удивилась бабуля.

– Тогда, пошли за мной, граждане отдыхающие!

– Пошли, милоч, показывай дорогу.

Отдав чаевые, я вернулся в наш с Татьяной номер.

– Как спать-то будем? Тут одна кровать, – поинтересова-

лась она.

– Она же двуспальная, – улыбаясь, пояснил я.

– Ну, Леон! Доведёшь ты меня до греха!

– А ты против? – шутливо спросил её, обнимая за талию.

– Видимо, я несовременная.

– Исправим.

– Да что ты!

В дверь постучали. Вошла, не дожидаясь разрешения, мама.

– Извините, но французы в баню собираются гольшом все вместе! У них так принято, оказывается, – возмущённым тоном заявила она.

– Мам, это ты замуж за француза выходила, не я, разберись сама с этим как – нибудь.

– Как им разъяснить-то, что нельзя так?

– Скажи мужу, пусть объявит, что сначала женщины идут париться и купаться, потом мужчины.

– Я говорила, они сказали, что непривычно им так.

– Дай им знать, что на каждую привычку, есть отвычка.

– Ой, не знаю, не хочу я во Францию, разврат какой-то!

– А как же Жиль? Один уедет?

– Пусть тут остаётся, врачи и здесь есть.

– Татьяну с собой в баню возьми, а то она без приглашения стесняется.

– Да ты что, Танюш, пошли, конечно, я тебя веничком попарю.

– Лёгкого вам пара.

Женщины ушли на банные процедуры. Я решил сходить в общий зал, чтобы не отрываться от мужского коллектива. Не успел дойти, а уже услышал голос йошкар-олинского деда:

– ... Вот и говорю, за французско-русскую дружбу!

Ба! Да тут пир горой. А я собирался звонить в службу заказов насчёт ужина.

– Мужики, я смотрю, вы хорошо сидите!

– Ты не завидуй, а присаживайся, – пригласил дед за стол.

Чего тут только не было: квашеная капуста, различные грибы, сало, картофель в мундире, вяленая рыба, медвежья и лосиная колбаса, солёные огурцы и помидоры, лечо, хреновая закуска, крыжовник в чесноке, консервированные салаты и прочее, и всякое. Выглядело, конечно, богато, но вид портила сервировка, точнее, её отсутствие. Вся эта роскошь терялась в трёхлитровых банках или просто на бумаге.

– Дед, тарелки ведь есть!

– Это мы сейчас организуем, хотелось малость выпить граммов по пятьдесят, а уж по ходу убранством стола заняться.

– Давай займёмся.

– Я помогу, – предложил отец.

В рядом стоящем шкафу было всё необходимое. Мы быстро начали приводить в порядок продукты питания.

Жиль очень красиво раскладывал нарезку. Расставили и разложили приборы, стало намного красивее и культурнее.

– Шашлык будем сегодня жарить или завтра? – спросил я родственников.

– Тут очень много всего, надо только картошку погреть, – просящим голосом сказал отец.

– Вот же микроволновка.

– Тогда всё.

Вечер удался. Все напарились, подружились. Французы впервые в жизни испытали русский веник. Когда в парилке они заглянули на термометр, долго охали. За банькой перегороденный выход на реку с прорубью. Пока не окунулись, им было непонятно, почему нет бассейна. Обтирались снегом даже женщины.

То Жиль, то мама были переводчиками. Дед Жак и бабушка Мари оказались, хотя и графы, совершенно незанудливыми, а очень общительными весёлыми людьми. Они про всё спрашивали, что им непонятно. Татьяна им рассказала о технике богородского творчества. Оказалось, что Мари увлекается в свободное время геометрической резьбой по дереву, и просила научить её делать объёмные поделки, в том числе, игрушки.

Оба деда не отказывали себе в горячительном. В итоге, нашли общий язык и, сидя в обнимку, пели. Сложно было, конечно, разобраться, о чём.

Бабушки нашли совместные садоводческие и цветоводческие темы. Жаловались на вредителей. Жилу было сложно перевести некоторые слова, например, «медведка», но это не

мешало донести главный смысл диалога.

Я любовался Татьяной, она тоже смотрела на меня, мы улыбались друг другу, забывая обо всех окружающих. После бани её очарование только усилилось. Она сидела за столом напротив меня, распаренная, розовощёкая, притягательная, красивая. Я не мог не мечтать поскорее уединиться с ней.

В-общем, все пообщались, рассказали о себе, что хотели, как настоящие родственники. В результате, дед Виталий желал всем бон нуар, а дед Жак спокойной ночи, не забыв выпить несколько раз на посошок. Бабушка Мари записала кучу рецептов консервирования от бабушки Нины с помощью моей мамы. Мне с Татьяной отец рассказывал про африканский быт, про его непростую работу в прошлом, про нищету аборигенов, про нескончаемые революции и перевороты.

Наконец, все утомонились и начали расходиться по номерам.

Придя в номер, Татьяна села в кресло со словами:

– Интересные французы! Ведут себя попросту. Приятные люди. А йошкар-олинские – просто классные!

– Кстати, я наполовину француз.

– Что будем делать, Леон?

– В каком смысле? – переспросил я, приближаясь к ней.

– Как кровать будем делить?

Она была хороша. Домашняя, ненакрашенная после бани, Татьяна выглядела прекрасно, от неё веяло каким-то теплом и уютom. Так захотелось к ней под крылышко. Я подсел на

подлокотник её кресла. От следующего моего движения она оказалась у меня в объятьях, сидя на моих коленях. Поцелуй был пылким и нескончаемым, который продолжился тут же в кровати. Я уже целовал её плечи и грудь, всё больше раскрывая банный халат на ней. Мною владела страсть и нежность. Чувствуя взаимность и некоторую дрожь в её теле, не мог остановить в себе желания, мной владела любовь к этому очаровательному созданию. Мы превратились в одно целое, когда нет чужой руки или ноги, всё было родным и желанным, одновременно бились сердца в общем дыхании на двоих. Лишь на секунду она вскрикнула, глянула мне в глаза с некоторым испугом, затем улыбнулась, расставшись с девственностью. Мы были на седьмом небе. Я был счастлив. Во мне жила любовь, неведомая до сих пор. Душу просто распирало в моей груди от счастья.

Утром все это заметили. Мы светились!

Папа сказал маме:

- Похоже, что Леон уговорил Татьяну поехать в Марсель.
- По-моему он её вообще уговорил.

Во время завтрака Таня сидела у меня на коленях, я кормил её с вилки, а она меня, мы чудили и хохотали неумно, не обращая внимания ни на кого. Нам не было стыдно. Нашим существованием правила любовь.

- Дело пахнет керосином, – заметил дед Виталий.
- Уи, лямур, – подтвердил дед Жак.
- Сэ трэ бьен! – одобрила бабушка Мари.

– Наконец-то! – обрадовалась бабушка Нина.

Одевшись потеплее, мы сбежали от них во двор развести огонь в мангале, чтобы жарить шашлык. Кто-то за ночь поставил ёлку посредине площадки. Как малые дети, мы резвились, бегая вокруг неё, бросая друг в друга снег, валяясь в сугробах, не заметив даже, что вся наша компания построилась на крыльце. Они наблюдали за нами некоторое время, а потом присоединились, устроив снежное побоище, хоро-вод, валяние в снегу. Дед Виталий в какой-то момент сбежал, вскоре вернувшись с бутылочкой водки и солёными огурцами на подносе. Первым делом он позвал деда Жака:

– Эй, корефан, ком муа!

– Уи, лё момен!

– Осейту, – набрался французского языка йошкар-олинец.

– Мерси, Виталий, – усевшись на ступеньку крыльца, поблагодарил Жак.

Выпили, запели «Эх, мороз-мороз, не морозь меня!» Как у них это получалось? Неизвестно.

Жиль совсем загонял маму. Та, вся в снегу, счастливая упала в сугроб, не желая подниматься. Папа попытался помочь ей встать, но она уронила его на себя. Теперь они валялись вместе, хохоча, как дети.

Бабушка Мари взяла под руку бабушку Нину, и они пошли прогуляться, активно разговаривая и жестикулируя. Какой язык они использовали для общения, было загадкой.

К моменту готовности шашлыка, аппетит у всех был отменным. Лучшие куски я отдавал Татьяне.

Смех, шутки, радость, счастье, снег, ёлка, парящее жареное мясо, свежий воздух, зимняя красота, любовь, идиллия...

Подошёл метрдотель.

– Добрый день, приятного аппетита! – обратился он к нам.

– Присоединяйтесь! – предложила мама.

– Спасибо большое, я по другому поводу. На лыжах хотите покататься, пока светло?

– С удовольствием! – отозвался Жиль.

– Тогда подходите к лыжному складу в главном корпусе.

– Спасибо, обязательно подойдём.

– А вечером каток откроется, вчера залили.

– Это замечательно! – восторгался Жиль.

Кажется, он совсем забыл о своей болезни. Слава Богу.

Никто не отказался от возможности покататься по лесу на лыжах.

– Дед, а ты куда? – заволновалась бабушка Нина.

– А ты что? Не пойдёшь?

– Куда там, сердце не выдержит!

– Да хрен с ним, с сердцем, лишь бы здоровье было!

– Конечно, где его взять-то?

– Ладно тебе прибедняться, поехали.

Деды и бабушки поехали по самому малому кругу. Он составлял расстояние всего в двести метров. Мама с папой рва-

нули на километровый круг. Мы с Татьяной выбрали пятикилометровку.

Красота. Деревья в снегу. Величественные ели и сосны. Свежая лыжня. Таня прекрасно справляется с трассой, не отставая от меня. Я часто оборачиваюсь, чтобы не потерять её из поля зрения, а она чуть не наступает мне на лыжи. Молодец!

– Может, тебя вперёд пропустить?

– Нет, Леон, лучше я за тобой поеду.

– Ты где так кататься научилась?

– В училище! Я даже в соревнованиях участвовала.

– Прибавить скорость?

– Давай!

Она всё равно не отставала. Прибавил ещё, расстояние между нами увеличилось. Остановился. Она сходу врзается в меня, мы летим в сугроб, целуемся, обнимаемся, хохочем, встаём, едем дальше.

Вечером всей ватагой отправились на каток. Он не очень ровный, но кататься можно. Таня снова меня удивила своим умением выписывать на льду фигуры.

– Этому тоже в училище научилась?

– Я ведь не в джунглях живу, в Москве же есть катки!

– Парным катаем занималась?

– Ты ревнуешь?

– Очень!

– Нет, одиночным.

– А со мной попробуешь?

– Давай!

Звучала музыка в стиле танго. У нас хорошо получалось танцевать. Как-то весело и легко.

– Не устала?

– Я сильная!

– Ещё?

– Давай!

Нам даже аплодировали зрители, стоявшие возле бортика. Были и конкуренты – это мама с Жилем. Он её крутил вокруг себя, делал прыжки.

– Есть у них ещё порох в пороховницах! – удивился я.

– Да, молодцы какие! Смотри, что наши старички творят!

Жак, взяв под ручку Мари, выписывал с ней круги по периметру на существенной скорости. Йошкар-олинцы пытались их догнать, но бабушка Нина это делала неуверенно, часто запинаясь.

– Уморили вы нас сегодня, молодёжь! – жаловался дед Виталий потом, когда шли с катка.

– Всё лучше, чем водку пить! – не согласилась бабушка Нина.

– Все кости болят! Надо будет выпить.

– Трезвая мысль, дед, – резюмировал я.

– Миль грамм! – добавил дед Жак.

– У нотр мэзон? – спросила бабушка Мари, возмущаясь большому расстоянию от катка до дома.

Видимо, тоже сил не рассчитала.

– Что, Мари, тоже кости болят? – спросил дед Виталий.

– Ой, ёй, – лишь ответила она, держась за мужа.

Мама расхохоталась, все тут же подхватили. Пошли веселее.

Жиль смеялся громче всех. Семнадцатый дом был уже рядом.

Снова была баня, застолье, тосты и разговоры, любовь, седьмое небо, сон, чудное солнечное утро.

После завтрака к нам постучался метрдотель.

– Сегодня завезли лечебные грязи, а вечером приедут артисты!

– На какое время можно записаться на грязи? – спросил я.

– Так, вас восемь человек. Значит, через полчаса. А потом много записано.

– Хорошо, будем! – глядя на кивающую аудиторию, согласился я.

– А завтра морские ванны, водный массаж и дискотека.

– Очень хорошо!

– У нас ещё боулинг, теннис, пинг-понг, фитнес, аэробика, лечебная физкультура, массаж, мануальная терапия, релаксация, йога, фламенко, танец живота, маникюр, педикюр, Дед Мороз со Снегурочкой, баба Яга и так далее.

Так мы и жили.

***

Настал последний день 2002 года.

Ещё вчера мы нарядили принесённую нам ёлку, установив её в зале. Татьяна научила французов вырезать из бумаги снежинки. Обклеили ими все окна и стены.

Сегодня мой водитель привёз из Москвы коробку шампанского, пиротехнику и остальное, что заказывал. Полдня я обзванивал своих коллег и друзей, поздравляя всех с наступающим Новым годом.

– Таня, давай пригласим твоих родителей к нам, заодно познакомимся. Я водителя отправлю за ними, – предложил я.

– Правда!?

– Конечно.

– С удовольствием! – обрадовалась она, и последовал благодарный поцелуй в мои губы.

Так и сделали. Через три часа её родители стояли в прихожей дома.

Мама, увидев их, кинулась обниматься.

– Лёнька, Валька, тычу лет, Господи! Откуда?

– Привет, Лен, вот дочь позвала.

– Какая?

– Таня.

– Она ваша дочь?

– Да.

– Вот здорово! Давайте проходите!

Все были в зале. Мама ввела новых гостей с возгласом:

– Это же мои однокурсники, Лёнька с Валькой! Вот это да! Знакомство было бурным.

– Мой Леон! – представила им меня Таня.

– Очень приятно, моя супруга Валентина Сергеевна, а я Леонид Николаевич.

– Очень приятно, – ответил, пожав ему руку, – пойдёмте, я покажу ваш номер.

Видно было сразу, что они хорошие люди с приветливыми лицами. Оказалось, что у них нет проблем с французским языком, поэтому нашим иностранцам пришлось по душе новые знакомые.

Традиция встречать Новый год чистыми отправила всех в баню. Пока женщины мылись, мужская половина устанавливала пиротехнику во дворе. Когда в баню ушли мы, женская часть коллектива после прихорашивания принялась накрывать праздничный стол.

Время полетело очень быстро. Не успели оглянуться, как Путин начал в телевизоре новогоднее поздравление. Все собрались за столом в ожидании боя курантов. Жак включил видеокамеру, подвесив её на бра так, чтобы охват был полным.

Мужчины приготовились открывать шампанское, женщины держали наготове фужеры, и, наконец-то, на экране появились часы Спасской башни Кремля. Бдум, Бдум... Забили куранты. Шпок, шпок... Хлопки шампанского.

– С Новым годом, с Новым счастьем!!! – поздравляли все

друг друга, чокаясь и целуясь.

– Все на улицу! – скомандовал я.

– Ура!!!

Компания дружно, накинув верхнюю одежду, вышла на крыльцо. Я включил электропривод пиротехники. Через секунду начал взрываться верхний салют из трёх установок по тридцать зарядов.

– Ура!!!

На последнем заряде, сработал огненный дождь широким водопадом, следом взметнулись пять искрящихся фонтанов. Татьяна прыгала в моих объятьях от восторга с возгласом:

– Ура!!!

Надо всей территорией базы отдыха стоял грохот и вспышки салюта, свист взлетающих петард. После фонтанов пошли ракеты, взрывающиеся вверху рассыпающимися шарами, громко шурша при падении.

– Ура!!!

Леонид Николаевич поджигал и раздавал всем бенгальские огни, привезённые с собой. Шары сменились на ассорти из пяти установок, поочередно выпускающих по двадцать пять зарядов.

– С Новым годом! Ура!!!

– С Новым счастьем! Ура!!!

– Бон анэ! Ура!!!

Заключительный салют был самым мощным и красочным.

– Ура! Ура! Ура!!!

Восторженные зрелищем, вбежали в дом к столу.

Дед Виталий уже наливал водочку, приговаривая:

– Надо согреться, не дай, Бог, простудиться!

– С Новым годом! С Новым счастьем!

– Разбирайте подарки под ёлкой! – объявил я.

– Когда ты успел их туда положить? – удивилась мама.

– Что нам стоит дом построить! Татьяна, а тебе подарка

там нет, – остановил я её.

– Да? – удивлённо спросила она, не зная, как реагировать.

– Он здесь, – успокоил я её, протягивая ювелирную коробочку.

– А я без подарка, – расстроилась она.

– Ты для меня главный подарок! Предлагаю выйти за меня замуж!

Она стала серьёзной. Прижалась ко мне лицом и молчала.

– Что случилось, ты её расстроил? – спросила, подошедшая поблагодарить за подарок, мама.

– Пока не знаю.

– А что тогда?

– Предложил стать моей женой, а она не согласна.

– Как не согласна? – встрепелась Татьяна.

– Согласна? – захотела уточнить мама.

– Да!

– Ну, слава Богу, – сказала мама, когда нас уже стало не разлепить из поцелуя.

– Ну, вот, а я всё пропустил, – расстроился подошедший Жиль.

– Поздравляй их теперь с типа помолвкой.

– Хорошие новости, поздравляю вас, Таня, Леон.

– Мы-му-уу, – ответил я через поцелуй.

– Хватит целоваться-то, – упрекнула нас мама.

– Мэ-ме-му, – ответили мы.

– Лёньк, Вальк, смотрите, что делается-то!

– А что? Она нам говорила, что его любит. Слава Богу! – спокойно произнёс Леонид Николаевич.

– Он ей предложение сделал, Лёня!

– Надеюсь, она согласилась? – спросила Валентина Сергеевна.

– Да! – удивлённая их спокойствием, не унималась мама.

Лёнька с Валькой смотрели на нас и доброжелательно улыбались. Мы стояли перед всеми родственниками, продолжая целоваться. Потом Татьяна уткнулась лицом мне в грудь, и я почувствовал, что моя рубашка стала сырой.

– Ты почему плачешь? – спросил я.

– Не знаю, но мне хорошо!

Я взял коробку из её руки, открыл, вынул кольцо и надел ей на правый безымянный палец.

– В самый раз. Оно обручальное.

– С камнем, по-моему бриллиант?

– Сейчас и обручальные кольца бывают с бриллиантами.

Татьяна рассматривала его с интересом. У неё никогда не

было ничего подобного.

– Даже не верится, – тихо сказала она.

Дед Виталий вспомнил о своих, взятых на себя, обязательствах тамады:

– Так, я не понимаю, почему нигде не налито? Мужики, разливайте!

– Тебе бы всё разливать! – подметила бабушка Нина.

– Святое дело! Глядишь, прабабкой станешь!

– От этого не станешь.

– Тебе бы всё уколоть! Вон Мари Жака не ругает.

– Может, ругает, ты-то по-французски не поймёшь.

– Как это? – и, держа перед собой рюмку, он переключился на Мари: – Ругаешь Жака, а?

– Но, но, – отвечала та, отмахиваясь и думая, что он ей предлагает водку.

– Слыхала, Нин, она говорит, что нет, я французский хорошо понимаю. У них «но» – это нет.

– Тост говори тогда, хватит народ смешить.

– Короче, за молодых! Давайте их поздравим!

– Ура!!!

Все дружно встали, поочерёдно чокались с нами и целовали Таню и меня с пожатием руки.

– Поздравляем! Счастья вам!

Не знаю, в честь какого тоста, но в телевизоре на «Голубом огоньке» тоже все чокались и поздравляли друг друга.

***

Второго января 2003 года Жилю неожиданно стало плохо. С утра он не смог встать от боли в спине. Я разложил сиденья в джипе, чтобы поместить его туда для отправки в больницу. В процедурной базы отдыха мне выдали носилки. Отец едва открывал глаза, жаловался на сильную боль, был очень бледен, не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Спинальный мозг...

С момента его приезда до сего дня папа вёл слишком активную жизнь, как бы пытаюсь взять от неё все остатки.

Врач был моим хорошим знакомым. В кратчайший срок провёл максимальное обследование. Зная диагноз с наших слов, он всё перепроверил. Связывался с марсельской клиникой, запросил на эмейл копию историю болезни.

Отцу стало легче после обезболивания, но шевелиться он не мог. Мама, Мари и Жак были с ним постоянно.

– Ему нет никакого смысла ложиться на операцию, только деньги выбросите, – собрав нас, разложил все карты врач.

– Что же делать? – спросила мама.

– Обострение я сниму, двигаться он немного сможет, но ходить и сидеть ему нельзя больше. Выпишу вам лекарств, обезболивающее, будете колоть. Сумеете?

– Да, конечно, я умею.

– А капельницу?

– Могу, я работала в больнице, – ответила мама.

– Хорошо, а у нас процедурных сестёр не хватает, не хо-

тите поработать?

– Здесь у вас? Если он тут останется.

– Я поговорю с главврачом. Возможно, встанет вопрос о переводе его в институт онкологии. Хотя тоже поздно.

– А во Франции точно не смогут помочь?

– Они мне сами сказали, что за двести тысяч евро они могут и труп прооперировать.

– Я могу приступить к работе прямо сейчас.

– Не торопитесь.

– Сколько проживёт?

– Боюсь, дату назвать не могу, может, час, а, может, месяц.

Мама вкратце перевела Мари и Жаку разговор с врачом. Те мужественно выдержали, не закатив истерику. У Мари лишь текли слёзы, она их не чувствовала, поэтому Жак вытирал их платком. Татьяна, сидя рядом со мной, тоже плакала. Мама была, как камень, держала себя в руках. Ещё с минуту посидела и пошла в палату к Жилю.

Мари и Жак ещё минут пятнадцать сидели бессловесно, потом тоже направились к сыну. Они долго разговаривали с ним. Тот еле шевелил губами. Поцеловали его и вышли.

Их с Татьяной я повёз на базу отдыха, чтобы забрать вещи. Нам надо было больше не до развлечений. Ещё первого января к вечеру уехали родители Тани, оставались, ожидая нас, только йошкар-олинцы, тоже собирающиеся домой.

По дороге с базы в Москву, дед Виталий обратился ко мне:

– Слушай, внучек, вези-ка нас на Казанский вокзал, как

раз к поезду поспеваем.

– Вдруг билетов нет.

– Второго-то января!

– Ладно, дед.

Едва успели купить билет и запрыгнуть в вагон, как поезд тронулся.

В квартире, куда я привёз Мари и Жака, наступила гробовая тишина. Они не захотели даже включить телевизор.

Мы с Таней взяв необходимые вещи, поехали за продуктами для мамы и Жиля, затем в больницу.

Мама взяла продукты.

– Спасибо, сынок. Поезжайте домой, волнуюсь я за его родителей. Вдруг им помощь потребуется.

– Хорошо, ты звони в любое время, я тебе денег на телефон положил.

Мы вернулись в квартиру. Тишина. Мне было беспокойно в такой обстановке. Ни звука. Не выдержал, постучал им в дверь, чтобы предложить чаю. Молчание. Открыл дверь. Лежат в кровати, обнявшись, без дыхания. О, Господи!

Россияне мечтают увидеть Париж и умереть, а здесь увидели Москву и умерли, обнявшись в последний раз.

Скорая... Милиция... Допросы...

Врач скорой помощи прекратил милицейский беспредел:

– Своей смертью умерли они, капитан.

– Как это? Одновременно что ли?

– Любовь...

Капитан хлопнул, складывая папку, надел шапку и ушёл.

Тела увезли. Я находился в шоке. Татьяна завешивала зеркала.

Что делать? Звонить маме невыносимо. Ещё вчера счастливее её не было человека, и вдруг столько свалилось горя. Нам молодым больно, а каково будет ей.

В зале на столе под вазой засохших роз лежала записка на французском языке. Как смог я перевёл: «Сердце болит, умираю, ухожу за Мари». Значит, она умерла первой, а Жак прилёг к ней и вскоре умер. Кто-то бы сказал: красивая смерть! Мне так не кажется. Они были красивыми в последние минуты жизни.

Мы провели всю ночь в кухне. Как можно было спать! Перенести такое и спокойно уснуть невозможно. Мы сидели молча, иногда пили чай, заваренный Татьяной.

На нас, словно живой, смотрел со стола телефон. Я давно хотел его выбросить, он был старше меня, но мама не разрешала. Современные аппараты при всём их дизайне были словно неживыми, а этот обладал чем-то душевным, человеческим. Только сейчас я обратил внимание, что коричневая трубка и бежевый корпус напоминали волосы на голове, отверстия в диске, если не смотреть сразу на все, похожи на глаза. Ограничитель для пальца отдалённо смахивал на тень от носа, отверстия ниже улыбались, как человеческий рот. По-моему с моей головой что-то происходит.

Надо взять себя в руки.

Было уже утро, а мы, словно зомби, сидели и глазели на телефон. Резкий звонок заставил нас вздрогнуть. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, Татьяна чуть не свалилась в обмороке, подпрыгнув на табурете. Я снял трубку.

– Да.

– Он умер... – дальше был мучительный продолжительный вопль, принадлежавший маме, – заберите меня отсюда.

– Они тоже умерли, – отрешённо сказал я, надеясь, что лучше сразу всё, чем по очереди.

– Он только сказал: я уйду к ним, – она выключила трубку.

Татьяна всё поняла, обняла меня, глядя по спине. Мне надо было собраться с немалым духом, чтобы прийти в себя.

Я умылся холодной водой. Мы выпили по таблетке от дикой головной боли и вышли из квартиры. На улице шёл точно такой же снег, как в день приезда Жилия. Автоматически, не соображая, я очистил запорошенную машину, и мы поехали в сторону больницы.

Мама сидела в холле с красным от слёз лицом. Мне с трудом удалось её поднять с диванчика. Она была невероятно тяжёлой, ноги подкашивались, руки болтались. Медленно мы дошли до машины, с большими сложностями удалось её усадить на высокое сиденье. Всю дорогу домой она молчала, глядя в одну точку.

По пути мы заехали в аптеку, где я купил разного успокоительного и сердечного. Как только мама вошла в квартиру,

разразилась в рыданиях. Мы её пичкали всем, что у нас было, лишь бы успокоить. На какой-то момент она приходила в себя, а потом резко начиналось всё вновь. Наконец, она притихла. Видимо, лекарства подействовали, и она заснула, сидя на диване, где не так уж давно в обнимку была с Жилем. Я принёс подушку с пледом, тихонько уложил и укрыл маму.

– Церковные свечки есть? – спросила меня Таня.

– Да, вон там за иконкой.

Она поставила три свечи в стаканах с солью перед иконкой и зажгла спичкой. Перекрестившись на неё, стала шёпотом читать какую-то молитву, на слове аминь ещё раз перекрестилась. Присела ко мне поближе. Я был удивлён, но не возмущён. Наоборот, она, видимо, знала, что делает, а это хорошо.

Зазвонил телефон. Я взял трубку.

– Алло.

– Здорово, внучек! Мы приехали, уже дома. Как там Жиль?

– Умер.

– Ой, господи! Неужто? Да к как же, а? А я знахарку хотел уговорить полечить его. Поди Мари с Жаком убиваются?

– Они тоже умерли.

– Господи, да что ж это такое! Аж сердце защемило!

– Вы там с бабулей смотрите не помрите от переживаний.

– Мы сегодня же к вам выедем. Как Лена-то?

– Плохо, лекарств надавали, только что заснула.

– Держитесь там. Ой, Господи! Спаси, Бог!

– Пока, – ответил я в уже плачущую короткими гудками трубку.

Нетрудно было представить, что сейчас со стариками начнёт твориться. Сердечными каплями тут не обойтись. Не надо бы им ехать. Одно дело гостить на радостях, совсем другое в горести, не тот возраст. Я набрал Йошкар-Олинский номер.

– Да, – ответил дед.

– Вы не рвитесь приезжать.

– Уже не получится сегодня. У бабки сердце прихватило, отпаиваю. Если только завтра. Мать береги.

Положил трубку. Наверное, не до разговоров.

***

Честно говоря, не люблю я смотреть на похороны посторонних людей. Думаю и Вам, читатель, нет смысла вдаваться в процедуру захоронения французских родственников. Возможно, они для Вас стали не такими уж и посторонними, но вся эта тяжкая картина, думаю для Вас ни к чему. Так долго рвать душу не за чем. Важно ли, сколько рыдала моя мама? Интересно ли, как вывозили тела во Францию, сколько бюрократических преград пришлось преодолеть? Конечно, консул оформил маме и мне визы, мы присутствовали на похоронах, которые организовал управляющий дома Маршалль. Всё было по высшему классу со знатными присутствующи-

ми, пожелавшими проститься. Конечно, теперь на могилах установлены хорошие, но скромные памятники, как там принято. Родового склепа у них нет, всё просто, какими они были в жизни.

Лишь осенью мы сыграли свадьбу с Татьяной, когда маме стало легче после такого трагического начала года. Она сама нам предложила не тянуть с бракосочетанием. «Траур не может быть бесконечным», – сказала мама.

Свадьбу мы провели в клубе «Лагуна», там, где впервые с Татьяной встретились. К нам приезжали бабушка с дедушкой из Йошкар-Олы, родственники невесты из Харькова и Солнечногорска, немного друзей и подруг, из коллег была приглашена Светлана с мужем. Немногочисленно, зато душевно. Никого, как говорится, лишнего. Программа обычная: ЗАГС – регистрация, церковь – венчание, застолье, первая брачная ночь. После совместной почти годовалой жизни, для нас ничего удивительного не было. Всё воспринималось, как обязательный ритуал в подтверждение взаимных уз.

На следующий день нас ждало «свадебное путешествие» в Марсель. За два часа до отлёта мы получили визу Татьяне. Все родственники собрались в Шереметьево-2, чтобы проводить.

Вскоре наш самолёт подлетал к южному берегу Франции, низко паря над лазурным морем. Там было тепло и солнечно. Нас встретил Жан – управляющий дома Маршалль.
– Мадам, месье, бон жур! – приветливо поздоровался он,

подхватив нашу кладь.

– Бон Жур, – ответили мы.

Это был дом, из которого в январе мама и я провожали в последний путь едва обретённых близких родственников.

Мы заглянули на кладбище, возложили цветы к могилам.

Основная часть дома была на консервации с зачехлённой мебелью. Я просил Жана оставить всё в том же виде, так как мы не собирались в нём оставаться.

Заслушав финансовый отчёт управляющего о состоянии дел, я попросил выделить из гаража нам легковую машину, чтобы отправиться в путь дальше. Нас устроил двухместный кабриолет.

Татьяна восхищалась прекрасными французскими дорогами. Конечно, климат позволяет ремонтировать круглый год, земля не промерзает, как у нас, её не пучит вместе с асфальтом каждой весной.

Мы побывали в Монте-Карло княжества Монако, в Каннах, в Ницце, и направлялись в Париж, который я обещал показать Татьяне. Ей очень нравилось всё: природа, уютные города, отели и кафе. А главное наслаждение – Средиземное море. Ещё тёплое с песчаными пляжами и шезлонгами.

В столице Франции было не так тепло, как в южных городах. Шёл дождь, пришлось поднять крышу кабриолета. Ля тур Д'Эфэль, то есть Эйфелева башня, стояла, казалось, возмущённо на фоне серого неба в окружении не вяжущейся к ней архитектуры. Вид с её смотровой площадки восхищал

красотой исторических улиц.

Вечером Париж осветился иллюминацией, стало веселее. Кафе наполнились народом. Кругом гуляли люди, не взирая на продолжительный дождь. Пестрили зонтики. Темнокожие товарищи повсюду ходили, предлагая со своих пиджаков-витрин всякие безделушки. Им тоже, видимо, погода не являлась помехой.

Утром засветило солнце, и мы отправились на Елисейские поля. Там покатались в карете, походили по великим дорожкам, где в своё время прогуливались королевские особы и другие известные всему миру люди.

Дворцы и замки удивляли нас талантливой архитектурой. Но были дворы, где нам было жутко оставаться более секунды. Не везде в Париже роскошь и красота, есть и разруха и нищета.

Татьяне очень нравилась французская кухня, её запахи. Ле паризьен, то есть, парижане, выглядели любезнее москвичей. Подробно объясняли нам дорогу, где и что находится. Всё это сопровождалось неизменной улыбкой.

Самое удивительное, что Татьяна отметила для себя главное отличие от России не в каких-то главных национальных достопримечательностях, а в огромном количестве цветов на балконах, на стенах, в клумбах, на подоконниках. Плющ, плетистые розы, обвивавшие здания так, что видны были лишь проёмы окон, восхищали её.

Ей было забавно смотреть на разнообразие на каждом ша-

гу маленьких собачек, прогуливаемых супружескими парами.

Татьяне было интереснее наблюдать за жизнью французов, чем за историческим недвижимым наследием.

Однако, через две недели нас потянуло домой. Необъяснимое чувство, когда надоело райское наслаждение в чужой стране, и непременно начинает глотать душу желание вернуться в нашу российскую действительность.

Вскоре наш кабриолет вёз нас в холодную предзимнюю Москву. Свадебное путешествие закончилось. Начались будни.

Три недели спустя, Татьяна мне объявила, что беременна. С этого момента я летал от счастья. Французский вояж не прошёл даром. Будущий ребёнок, имел истинно французские корни.

В июле 2004 года в отдельной палате московского роддома мы с мамой по очереди впервые держали на руках нашего Александра, как мы его назвали сразу же после УЗИ, узнав пол ребёнка. Сейчас перестали детей называть Сашами, а всё более звучат ранее редкие, взятые исстари имена. Вот и решили, что скоро это имя станет мало встречаться.

Через три месяца мы повезли сына в церковь. Светлана с мужем согласились стать крёстными. Обряд прошёл без проблем. Александр вёл себя очень спокойно, даже батюшка отметил: «Как ангелочек!» Он ещё удивлялся имени, говоря, что за последние годы не припомнит, кто так называл, всё

больше крестил Глебов, Кириллов, Данил.

***

До осени 2008 года мой бизнес процветал. Помимо российского производства, внешнеторговой деятельности, меня поддерживало и марсельское виноделие. Наступил мировой финансовый кризис. Во Франции он ударил немного раньше. Вино стало мало востребованным. Мне пришлось нести убытки, которые я покрывал из своего российского оборота.

Но и здесь стали ухудшаться дела. Мой газпромовский приятель потерял возможность получения ресурсов, ударился в биржевые игры. Генрих в Германии обанкротился в один день.

Продукция моего Йошкар-Олинского филиала перестала иметь заказчиков. Настал день, когда я уже не знал, чем оплачивать

труд моих работников. Склады были забиты до отказа продукцией, но, несмотря на огромные скидки, она лежала без движения. Пришлось за бесценок отдать марийский филиал, чтобы рассчитаться с рабочими, уволенными по сокращению штата в связи с ликвидацией.

В Москве в начале 2009 года стало совсем тихо в бизнесе. Все ждали лучших времён, взяв паузу и не вкладывая средства в какие-либо проекты. Меня беспокоила судьба виноделия в Марселе. Управляющий разводил руками, жаловал-

ся, что собственных средств нет, вино некуда девать, затраты растут. Надо было принимать решение. Наследство на счетах от семьи Маршалль таяло на глазах. В результате, пришлось так же за бесценок продать виноградники и винодельческий завод, оставив управляющего и двоих работников заниматься лишь поддержанием состояния дома.

Проблема с должниками за ранее отгруженную продукцию усложняла ситуацию. Намного легче жить, когда должен кому-то, чем, если сам являешься кредитором. В первом случае, знаешь, что когда-нибудь отдашь, а, во втором, совершенно не уверен, что тебе вернут долг.

Я, имея собственные накопленные резервы, не рискуя использовать их в бизнесе, законсервировал всю деятельность, оставив в офисе лишь Светлану и бухгалтера. Оставалось активно влиться в семейную жизнь, что вскоре мне стало очень нравиться. Ведь до этого я тратил уйму времени на работу, почти не видя, как растёт мой Александр. Им занимались мама с Татьяной. Ребёнку шёл пятый год, а меня он видел лишь в редкие выходные, когда я был дома с непрекращающейся звонить трубкой телефона. Теперь настала такая тишина, что я иногда забывал о существовании сотовой связи. Если даже появлялись какие-то предложения по бизнесу, я отвергал их. Мне не хотелось работать, было приятнее находиться дома, занимаясь сугубо семейными делами.

Светлана меня часто спрашивала о том, чем ей заниматься.

– Займись домом, мужем, детьми, не сидите с бухгалтером на работе, пользуйтесь моментом! – отвечал я.

– А как же фирма?

– А что она?

– Накрылась?

– Вам с бухгалтером зарплата идёт, что ещё надо для того, чтобы вволю отдохнуть за все годы переработок, пользуйтесь!

Когда я через месяц пригласил поработать денёк, чтобы осуществить налоговые и коммунальные платежи, почувствовал их нежелание выходить из состояния анабиоза. Семьи тоже привыкли к постоянному присутствию своих жён и матерей. Жизнь изменилась, возможно, к лучшему. Они перестали тратить её на пустую бумажную возню во имя непонятного бизнеса, который давно превратился в розыгрыш.

Старые кооператоры, начав свою деятельность в конце восьмидесятых годов, занимались настоящей работой. Теперь

процветают аферисты, кидалы, юристы, подставщики, службы безопасности, судебные приставы, воротилы, чиновники, депутаты, казнокрады, коррупционеры.

Кризиса не заметило бы население, если правительство дало бы деньги не банкирам, а заёмщикам, выплатив их долги банкам, отсрочив обязательства людей, но уже перед государством. Почему-то средствами налогоплательщиков распоряжаются не в их пользу, а во благо тех, кто сразу начал

спекулировать помощью от страны под немереные откаты.

В обиход вошли дисконты. По жилищному сертификату купить квартиру по нормальной цене невозможно без налички с минусом до тридцати процентов. Материнский капитал – подобная профанация. Во всём мире доллар упал, а у нас, где газ и нефть уходят за миллиарды американских «зелёных», он растёт, видимо, от переизбытка, в поддержку экономики США. Правильно, мы их сделали сверхдержавой в первую и вторую мировые войны, золотом оплачивая вооружение, продукты и второй фронт, настало время помочь им скупать весь мир по цене кризиса, искусственно ими созданного. Мы всем помогаем. И Европе. Наше топливо в Роттердаме со всеми посредниками дешевле, чем в Тюмени.

В газпромовской рекламе все счастливы, что газ подключили в их дома. Это пока они только за оборудование, за проект, за установку и за подключение заплатили бешеные деньги, а когда за само голубое топливо, ежеквартально в цене растущее, платить начнут, счастье их кончится. Видимо, желание энергетических компаний – мировые цены. Только зарплата у нас в десять раз ниже мировой.

Не хочется, читатель, Вас утомлять, этим безобразием. Возвращаться в бизнес в таких условиях, после даже небольшой передышки, противно. Он потерял честь, совесть, ответственность, пунктуальность, законность. Куда ни глянь, кругом криминал. Роль государства осталась лишь во взятках. Лучше посвятить себя семье, пока есть такая возмож-

ность.

Часто слышны реплики, что женщина должна не замыкаться в домашней рутине, ей необходимо состояться в карьере, быть самостоятельной, не просить денег у мужа. Могу всех заверить, что если она сумела родить и воспитать хороших детей, уже состоялась, а для этого требуется не только самостоятельность, но и огромная ответственность, чуткость и душевность. Тем более даже работающая женщина, поскольку у неё есть мужчина, всегда захочет чего-то попросить, будь то деньги или что-то другое. По-моему, посвящать себя карьере – кошунство над собой и собственной жизнью, трата личного времени во имя кого-то и чего-то чужого. При этом муж не должен допускать, чтобы жена таскала баулы, пахала за него, защищала вместо него родину, и так далее. Работать можно, конечно, лишь для развлечения, для творчества, как хобби.

Однажды, на одном Тульском заводе я наблюдал, как женщины, трудясь на огромных штампах, ворочали тяжеленные полутораметровые гильзы. Попробовал поднять сам, понял, что очень тяжело, а ведь сначала руками достаётся металлическая таблетка из контейнера, вставляется в станок, потом вынимается готовое изделие, которое ставится в двух-трёх метрах рядом. Самоубийство! Не война ведь, зачем!

Женщина-руководитель или политик – нервы, риск, беспокойный сон. Помимо всего, отсутствие свободного времени, контроль, командировки, беспризорные дети, кризисы.

Самоубийство!

Реальность диктует другое, мы подчиняемся, забыв истинное предназначение слабого пола.

***

Александр рос прекрасным ребёнком. Начал говорить и ходить ровно в год. До этого произносил лишь слова: мама, папа, баба. дай, пи-пи. Он очень любил Татьяну, вслушивался в каждое её слово, ласкался к ней. Пока я ещё много работал и не мог уделить ему должного внимания, чувствовал, что Саша скучал по мне. Всегда первым встречал у порога, прибегая с радостным криком: «Папа пришёл!»

Его любимым занятием было сидеть у меня на шее, кувыркаться и прыгать в моих руках. Мы с ним часто напару, давая отдохнуть Татьяне, гуляли по городу, заходили в магазины, кафе. Когда выбирались втроём, то это был праздник с аттракционами, с катанием на лошадях, с зоопарком, с кукольным театром, с цирком. Видеокамера почти всегда находилась с нами, и к трём годам у нас собралась огромная видеотека отснятых роликов.

Мы его водили в детский сад, решив, что без коллектива Саша не будет хорошо развиваться. Ему нравилось, особенно то, что там был бассейн, который дети посещали два раза в неделю. Иногда болел, конечно, но не больше других и как настоящий мужчина переносил это стойко.

В четыре года мы записали его в дзюдо и на обучение по математике, русскому и английскому языку. Я возил Сашу с утра в садик, вечером в спортивную секцию или детскую школу. В-общем он был занят на всю катушку.

Когда я забросил бизнес, занялся организацией на лоджии, благо она была большой, мастерской для Татьяны. Сначала утеплил и обшил досками, встроив в пол отопление, поставил небольшой универсальный станок по деревообработке. Приобрёл заточное и шлифовальное устройство. Заказал на заводе из хорошей стали калёные профессиональные резцы, в том числе и богородские ножи. Завёз липовые чурбаки и был удивлён, как Татьяна своими нежными ручками сделала топором на них предварительную обрубку. Оказывается, что после этой процедуры, бревна, высыхая, не трескаются. Столько лет имел деревообрабатывающее предприятие, а такого не знал. Руководить – не самому пилить.

Жена вскоре вырезала композицию из трёх медведей, затем лосиную семью, детские богородские игрушки. От них приятно пахло липой и воском. Саша даже в детсад носил подаренные ему поделки, дарил, хвастаясь, что это его мама изготовила. Вскоре руководство садика обратилось к ней с заказами на панно, кашпо и, как они называли объёмку, статуэтки. Я пристрастился к геометрической резьбе, которая незамедлительно оказывалась взамен карнизов, полок, шкафов. К весне 2009 года дом превратился в выставочный экспонат. Гости называли нашу квартиру сказочной. Даже, сна-

чала упрекающая за вездесущую стружку, мама была вовлечена в процесс. Особенно ей нравится обрабатывать морилкой и полировать изделия воском. Саша ей всегда помогает, когда свободен. В его присутствии мы станками не пользуемся, укрыв чехлами, дабы не влез куда-нибудь. Резцы тоже держим высоко в полках, боясь, что может схватить и порезаться. Я ему часто поручаю начертить узоры, с чем он хорошо справляется.

Так у нашей семьи появилось общее увлечение. Не могу сказать, что фанатичное, но, с постоянно возникающими новыми идеями в голове, ноги сами ведут нас в мастерскую.

Например, захотелось сделать резную кровать сыну. Раз, и готово! Нашими подносами и вазами из дерева восхищаются все. Я ещё и точёными предметами занялся, от чего стружки стало больше, но маму уже это не нервирует. Ей нравится участвовать в новом веянии семьи.

Кстати, у неё с Татьяной прекрасные отношения. Они даже спорят как-то особенно любезно. Помогают друг другу во всём. В кухне вдвоём им всегда веселее, чем в одиночку, творить вкусные блюда и делать заготовки солений или варенья на зиму.

В доме царство идиллии. Мы уже начали мечтать принести

маме ещё одного внука или внучку.

Несколько раз за эти годы к нам приезжали йошкар-олинские прадедушка с прабабушкой. Очень привязались к Са-

ше. Всё зазывали его в гости к себе. Теперь он нас мучил расспросами, когда мы его повезём к ним в «йошкалу», как он выговаривал название города.

На семейном совете решили, что обязательно навестим стариков в конце мая.